

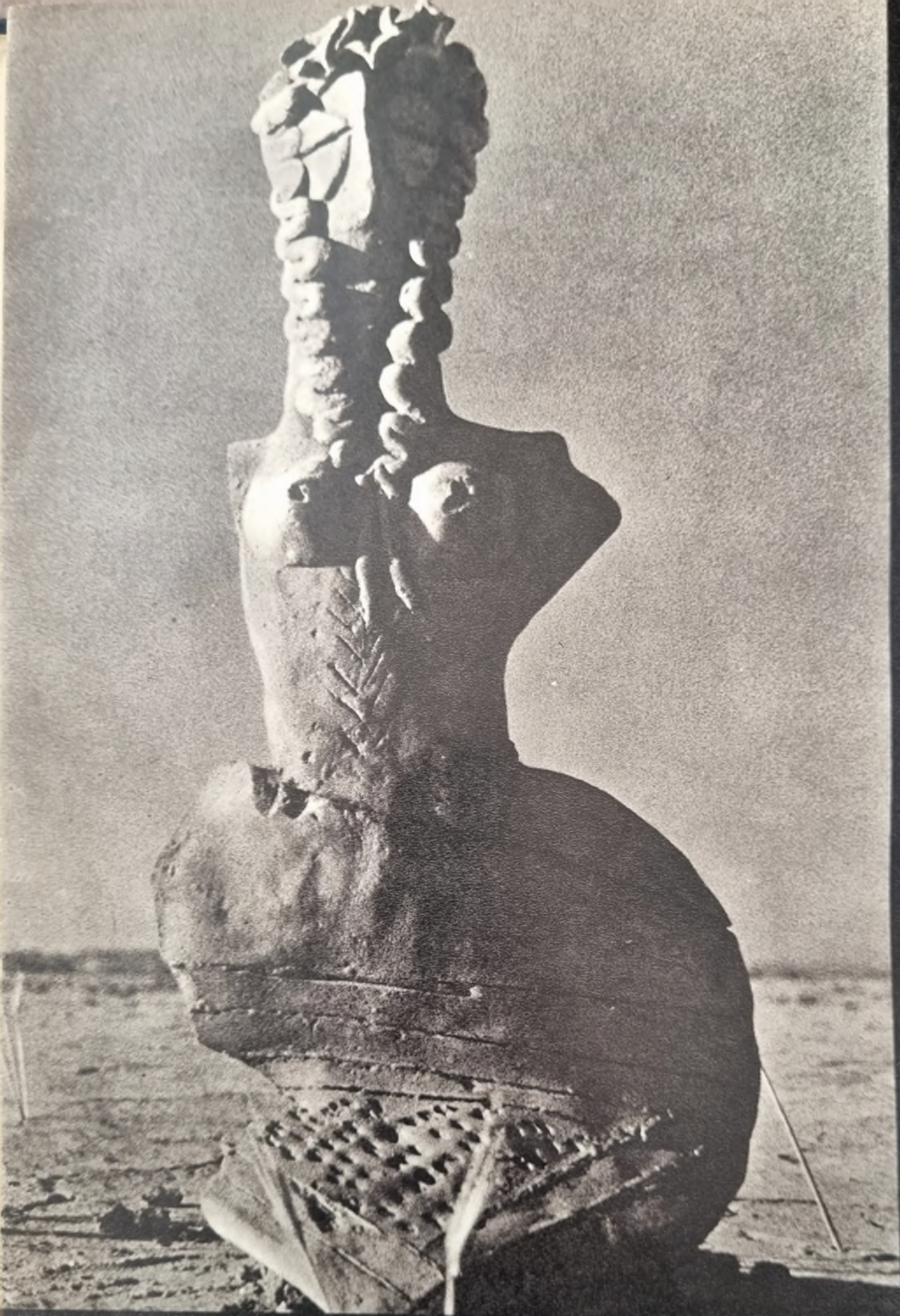
Июль 1976

Окно, открытое в мир

Курьер

АБИТАТ

СОКРОВИЩА
МИРОВОГО
ИСКУССТВА

СССР

Богиня плодородия

Эта крупная женская фигура из терракоты — богиня плодородия, пользовавшаяся особенной популярностью у древних земледельцев Туркмении. Найдена в 1974 году во время раскопок верхнего слоя Алтын-депе — огромного холма в пустынной степи на южной окраине Каракумов — и датируется началом II тысячелетия до н. э., соответствующим эпохе расцвета этого города, одного из центров ранее неизвестной цивилизации бронзового века. Связь божества с флорой подчеркнута воспроизведением на ее груди ветви какого-то растения и венком из цветов на голове.

Фото В. Ушмайкина © АПИ, Москва

ИЮЛЬ 1976

29-й ГОД ИЗДАНИЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 15 ЯЗЫКАХ

Русском	Хинди
Английском	Тамили
Французском	Иврите
Испанском	Персидском
Немецком	Нидерландском
Арабском	Португальском
Японском	Турецком
Итальянском	

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО —
Организацией Объединенных Наций
по вопросам образования, науки и культуры

★

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (сентябрь-октябрь — двойной номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала.

★

Адрес главной редакции
ЮНЕСКО, ФРАНЦИЯ, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа

Главный редактор
Сэнди Коффлер

Заместители главного редактора
Рене Калоз
Ольга Родель

Помощники главного редактора
русский яз.: Виктор Голячков (Париж)
английский яз.: Рональд Фэнтон (Париж)
французский яз.: Джейн Альбер Эсс (Париж)
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)
немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
арабский яз.: Абдель Монеим Эль-Сави (Каир)
японский яз.: Кадзуо Акао (Токио)
итальянский яз.: Мария Ремидди (Рим)
язык хинди: Н. К. Сундарам (Дели)
язык тамилы: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
персидский яз.: Феридун Ардалан (Тегеран)
нидерландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва
(Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Мефра Тельджи (Стамбул)

Литературные редакторы
английский яз.: Рой Мэлкин
французский яз.: Филипп Онэ
испанский яз.: Хорхе Энрике Адоум

Подбор иллюстраций: **Анна-Мария Майлар**

Оформление: Робер Жакмен
Документация: Кристин Буше

ISSN 0304-3150

4 ЖИЛИЩЕ И «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»

Жорж Фрадьё

10 ТРЕТЬ МИРА ЖИВЕТ В ТРУЩОБАХ

Сэмюэль Чамецки

12 НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Джон Ф. С. Тёрнер

15 ОСТОРОЖНО! ТРАДИЦИИ!

Советский архитектор размышляет
о достоинстве старого и нового в зодчестве
Феликс Новинов

20 САМИ СТРОЯТ СВОИ ДОМА

Во многих развивающихся странах жить в «дешевых»
домах, предназначенных для бедняков, могут себе
позволить лишь более состоятельные люди
Джозеф Бейн Д'Соуза

21 ПРОЕКТИРОВАНИЕ В КАРТИНКАХ

Иона Фридман

24 НА НОВОМ МЕСТЕ

Пожилая чета переезжает из маленького
собственного дома в большой многоквартирный дом

27 ДОМ ЧЕЛОВЕКА — ЕГО КРЕПОСТЬ

Фотоочерк

29 ГОНКОНГ — САМЫЙ НАСЕЛЕННЫЙ ГОРОД МИРА

Дан Берман

34 ХРОНИКА ЮНЕСКО

2 СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА

Богиня плодородия (СССР)

НА ОБЛОЖКАХ

Фото © Хундертвассер, Вана.
Из каталога выставки в Музее
современного искусства,
Париж, 1975

Фото Г. Герстера © Рафо, Париж.
Из книги Г. Герстера «Земля людей»,
изд. Атлантис, Цюрих

Этот номер «Курьера ЮНЕСКО» посвящен насущной проблеме: жилищу человека и «качеству жизни». Глобальное рассмотрение этой проблемы было предпринято Конференцией ООН по населенным пунктам в Ванкувере (Канада), которая проходила 31 мая — 11 июня 1976 года. На 1 стр. обложки — картина австрийского художника Хундертвассера, изображающая сад-дом. О гармонии и благоденствии напоминает и фото на 4 стр. обложки — «поселки-цветки» близ Копенгагена (Дания), построенные в 1964 году по проекту датского архитектора, специалиста по ландшафтной архитектуре Эрика Мюгинда.

Фото © Т. Густавсен, Норвегия. Международный фотоконкурс, ООН-ФИАП

ЖИЛИЩЕ И „КАЧЕСТВО ЖИЗНИ“

Жорж Фрадье

ЖОРЖ ФРАДЬЕ — исполняющий обязанности руководителя отдела по проблемам жилищ и социально-культурной среды. Сотрудник ЮНЕСКО с 1949 года, бывший руководитель отдела печати ЮНЕСКО и ее миссий в Мали и Сьерра-Леоне, был директором проекта по сохранению и развитию района Тунис—Карфаген, который осуществляется правительством Туниса и ЮНЕСКО при финансовой поддержке Специального фонда Программы развития ООН. Автор ряда книг по проблемам обмена культурными ценностями Востока и Запада, а также «О качестве жизни», опубликованных ЮНЕСКО. Неоднократно выступал в «Курьере ЮНЕСКО».

Желания порождают соответствующую им среду: музыканту представляется концертный зал; летчик мечтает о чистом небе, а балерина об огнях рамп; начинающий учитель видит перед собой школу, отвечающую всем его требованиям.

Стремление к счастью почти всегда связано с идеальным пейзажем, деревней, домом или городом. Но мало кому удается найти среду, соответствующую его идеалу, и еще меньше тех, кто может себе позволить жить в такой среде.

Те люди в мире, что располагают деньгами или властью, либо и тем и другим, довольны своим привилегированным положением; они наслаждаются просторными квартирами в самых фешенебельных районах города, загородными особняками или виллами на берегу моря.

Однако в этом мире нет ничего со-

вершенного — самые фешенебельные районы города находятся иногда слишком близко от менее привлекательных кварталов или имеют множество каких-то других недостатков; механизированное сельское хозяйство и стройки портят пейзаж; пляжи загрязняются нефтью или уродуются рядами гостиниц. Сохранить красоту трудно, и все труднее оставаться властелином окружающей среды. Помните знаменитые строки из стихотворения Водлера «Приглашение к путешествию»:

*«Туда, где царствуют порядок,
красота,
Достаток, мир и простота».*

Именно так и следует понимать красоту окружающей среды.

Большинство людей в мире не предъявляют к ней столь высоких требований, даже если и считают,

Фото «Курьера ЮНЕСКО»

Вверху: живописный городской пейзаж Саны, столицы Йеменской Арабской Республики. В этом древнем городе много великолепных образцов традиционной йеменской архитектуры: высокие дома с плоскими кровлями, разноцветными окнами в верхних этажах, белыми, коричневыми или зелеными фасадами. Слева: ребенок, кажущийся карликом на фоне огромной стены, идет вдоль «машин для жилья» в современном городе.

вполне обоснованно, что имеют право на свою долю «порядка» и «красоты». У них есть жилье, хорошее или плохое, они имеют работу и таким образом играют определенную роль в производстве и обществе. Им есть что сказать и о своем месте работы, и о своем городке, заводе, пригородах и магазинах, учреждениях и о своих домах, этих «машин для жилья».

И все это, жалуются они, обусловлено неравенством и эксплуатацией, почти всегда сегрегацией, подчас и отчуждением, а мужчины и женщины работают лишь для того, чтобы как-то жить, и живут в каком-то определенном месте только потому, что именно там находится их работа. Их гнетет тирания индустрии, они вынуждены жить в среде, подвергающейся различным загрязнениям, они испытывают разобщенность, свойственную эпохе, в которой живут.

В настоящее время в некоторых странах уже начинают подвергать сомнению разумность политико-экономических основ системы, обрекающей их на такую жизнь. Чаще, однако, смиряются с ней, даже не подозревая, что может быть какая-то альтернатива. Некоторые привыкли жить там, где родились; другие — а их большинство — вынуждены жить там, где могут; и лишь немногие верят в то, что возможна и другая жизнь. Кажется, что вот уже несколько веков, как большинство людей утратили возможность выбирать среду обитания.

И все же тем, кто работает, ест, спит, передвигается в среде, которая может быть неприглядной или приятной, опасной или унылой, но все-таки является признанным, законным и постоянным местом жительства, еще повезло, поскольку есть люди, не имеющие постоянной работы или

«приличного» жилья, а иногда не имеющие вообще никакой работы и никакой крыши над головой.

Это те, которых жалеют, потому что они недоедают, плохо одеты и недостаточно образованны, и обвиняют, потому что у них слишком много детей. Говорят, что они живут на «окраинах» мировой экономики и прогресса. Но эти «окраины», эти поля на страницах, живописующих якобы гордую поступь истории человечества, огромны и размеры их все более увеличиваются.

Число людей, живущих в сельских или городских трущобах, а также в районах стихийно создаваемых убогих поселений, известных в различных странах как «бидонвили», «гурбивили», «фавеллы», «скваттерские поселки», «басти» или «барриады», в настоящее время составляет примерно 2 миллиарда человек. По меньшей

Городская планировка — домов из функциональных и геометрических блоков (справа) — вытесняет хаотичную застройку, приводящую к росту трущоб (стр. 7). Но в котором из этих двух домов люди чувствовали себя счастливее, были менее подавлены одиночеством!

Фото © А. Аарсен, Нидерланды. Международный фотоконкурс, ООН-ФИАП

► мере треть, а во многих случаях и половина населения крупных городов Азии, Латинской Америки и Африки ютится в трущобах на заброшенных городских задворках, без водоснабжения, канализации и электричества. Отвратительные трущобы встречаются и в Северной Америке и в Европе.

Мы потому говорим о необходимости улучшить условия жизни в подобных человеческих поселениях, что видим, как их обитатели стремятся защитить себя от холода, жары, голода, болезней и грязи — иными словами, они ведут борьбу за существование. Они хотят жить в такой среде, которая позволяла бы им вести нормальный образ жизни и не унижала бы их человеческое достоинство — последнее иногда приобретает для них гораздо большее значение, чем для сравнительно более привилегированных. В какой-то мере этим объясняется стремление людей переселяться в города.

Таким образом, жителей населенных пунктов можно подразделить на 3 основные категории: тех, кто может выбирать возможно лучшую среду обитания; тех, кто не располагает достаточно широкими возможностями для выбора места жительства; тех, кто обитает на окраинах. Утвержде-

ние, что все люди имеют одинаковые основные потребности, верно лишь теоретически. Если же говорить об общих конкретных проблемах этих трех категорий людей, то к ним следует отнести еще многие другие проблемы правового порядка. Если все же люди одного круга не испытывают трудностей в общении, это тем не менее не решает всех их проблем, как, например, в том случае, когда большой город оказывается не способным контролировать собственный рост: если центральные районы приходят в упадок, а окраины безудержно разрастаются, страдают все без исключения жители города.

Общение с властями для большинства населения в развивающихся странах связано с значительными трудностями. Достаточно сказать, что до недавнего времени люди даже не знали, кто ими руководит, и называли власти просто собирательным «они». «Они» строили скоростные автомобильные дороги, создавали или перемещали промышленные предприятия, делили или перераспределяли земельные участки. Одним росчерком пера «они» в 10 раз повышали цену на землю, сносили пригодные для жилья дома и на их месте воздвигали высотные административные здания.

Со всем этим приходилось мириться, поскольку судьба как города, так и деревни была predetermined.

Сегодня, однако, эта судьба — далекая неведомая сила, направлявшая планировку и застройку, — уже начинает материализоваться в нечто реальное. Инициаторы проектов, экономисты, государственные служащие, инженеры и архитекторы обретают свое лицо и таким образом частично теряют ту магическую власть, к обладанию которой, кстати, далеко не все из них столь упорно стремились. Теперь они выступают в качестве технических исполнителей начинаний, преисполненные доброй воли.

Они признают, что отнюдь не застрахованы от ошибок. Сейчас они признают это все чаще, поскольку их решения оспариваются и они видят, что общественное мнение восстает против сложившегося порядка. Жители городов требуют, чтобы их информировали о проектах застройки и планировки города и таким образом давали им возможность обсудить, изменить или отклонить, данные проекты.

Практически это проявляется во всем, в частности в усилиях по предотвращению сноса зданий, защите окружающей среды от различных за-

Фото © Г. Нейсинс, ФРГ. Международный фотоконкурс, ООН-ФИАП

грязней — визуальных, химических, радиоактивных или связанных с военными нуждами, — в стремлении сохранить в городах старинные кварталы, а вместе с ними и жизнь в них.

Некоторые осуждают такое «вмешательство», полагая, что оно отражает негативную тенденцию, либо направленную против городского строительства, либо тормозящую осуществление здравых проектов, превращая их в слишком дорогостоящие. Однако стремление к охране сельской местности, рек или населенных пунктов никогда не является негативным — оно лишь доказывает наличие определенного выбора. Отказ от принятия так называемых «планов обновления», губительно сказывающихся на городской жизни и заставляющих людей покидать родные места, сам по себе не является негативным — это всего лишь недвусмысленная оценка того градостроительства, которое, к сожалению, оставило за последние 30 лет столь заметные следы едва ли не по всей нашей планете.

И все же те самые городские жители, которые так воинственно настроены в кризисных ситуациях, предпочли бы столкновению сотрудничество. Вместо того чтобы противиться проектам, о которых они узнали в

последнюю минуту, они с большим удовольствием участвовали бы в предварительных обсуждениях, если бы у них была возможность заранее узнать обо всем и согласиться с преследуемыми целями.

Лица, ответственные за градостроительство и принятие административных решений, только выиграли бы от сотрудничества с местными жителями, если бы не навязывали им готовые решения, принятые якобы для их же блага. Это обстоятельство учитывается многими градостроителями и архитекторами. Именно они ищут сегодня наиболее эффективные пути такого сотрудничества.

Они также осознали, что эта новая форма демократии, возможно, способная наполнить новым содержанием жизнь не в одной только стране, требует прежде всего досконального знания всех фактов и их обязанность как раз и состоит в том, чтобы ознакомиться с этими фактами людей, которых они непосредственно касаются.

Каждый знает, что сегодня обладать информацией — значит обладать властью. Однако власть — всего лишь пустой звук, если нет желания применять ее. Когда же заходит речь о руководстве или управлении деятельностью, связанной с развитием насе-

ленных пунктов, возникает необходимость в осознании своего гражданского долга, в энергии и стойкости, к чему мы, простые мирные горожане 70-х годов, не приучены.

У тех, кто обездолен больше всех, чье положение хуже, чем у крестьянина или пролетария, и кто живет в городских трущобах или на окраинах, — у них также много своих, хотя и несколько иных, проблем.

Когда, стремясь выйти из изоляции, безземельные крестьяне отправляются в города, они делают определенный выбор: один вид бедности они меняют на другой, который может оказаться еще более отталкивающим, но не таким безнадежным — для них город олицетворяет неограниченные возможности и свободу. Нет нужды просить их принять участие в благоустройстве района, в котором они живут, — они будут копать, мастерить, строить и стараться обновить все, что можно, ибо именно за тем они и пришли сюда. Что же касается диалога с официальными лицами, то они охотно идут на это, но слишком часто, однако, такого диалога не получается, поскольку официальные лица, сознающие свою власть, слышат их, но не прислушиваются к ним. Иногда с ними работают архитекторы, которые

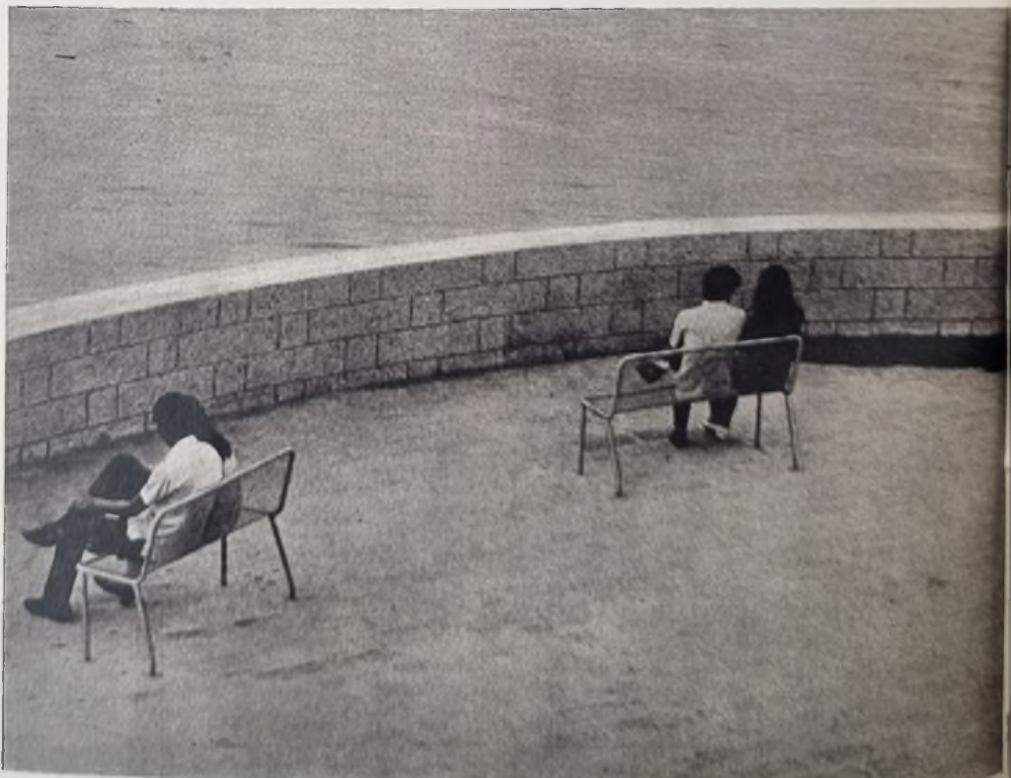
«ОТРАДА ДЛЯ СВИНЕЙ» И «РАЙ ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ». Сельские пейзажи с резвящимися свиньями (вверху) изображены на стенах мясокомбината в Калифорнии. Мясокомбинат был построен в 1957 году. Тогда же художникам Ле Граймс и Арно Иордану было поручено расписать наружные стены. Эти росписи — «Отрада для свиней» — предвосхитили новые тенденции в городском убранстве, возникшие в 1967 г. в Калифорнии, — молодые художники настойчиво

выступают в роли «переводчиков» или адвокатов; и они понимают.

В конечном счете именно власти сейчас должны сыграть свою роль в жизни обитателей окраин. Обращенные к ним призывы становятся все более настоятельными и основываются как на соображениях справедливости и солидарности, так и просто на здравом смысле, что явствует из заявления генерального секретаря Конференции ООН по населенным пунктам Э. Пеньялоса:

«Нет никакого смысла требовать, чтобы правительство обеспечило жильем всех нуждающихся, если оно просто не в состоянии сделать это... Дома для бедных будут строить сами бедные, как это было всегда. Значительное большинство домов в мире было построено теми, кто в них живет. Что касается жилищного строительства в бедных странах, то здесь, кроме предоставления земельных участков, правительство должно играть роль катализатора». (Из выступления в Американском университете, Вашингтон, округ Колумбия, 10 ноября 1975 г.)

Эти принципы — для некоторых стран являющиеся революционными преобразованиями — обсуждались на Конференции ООН по населенным

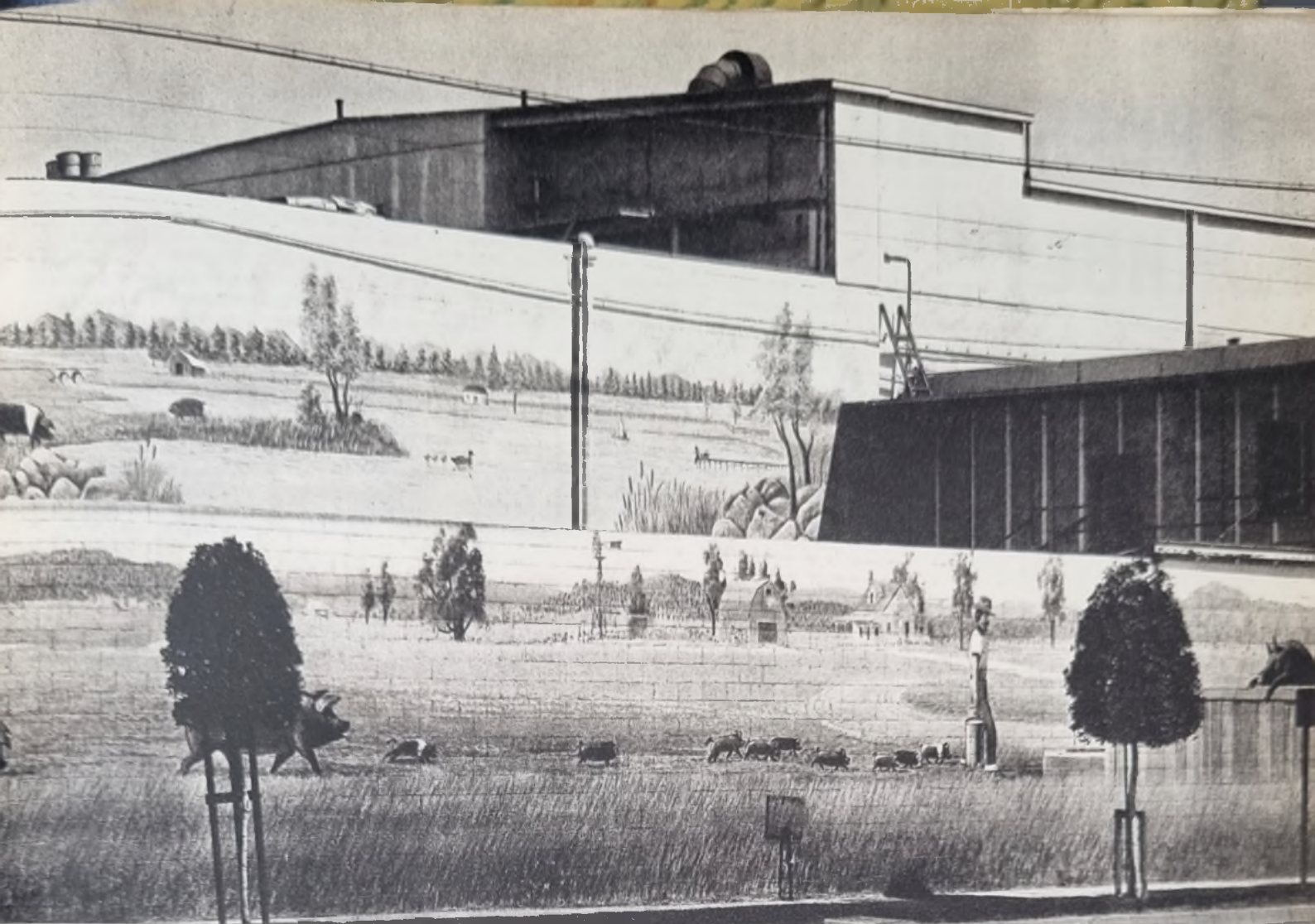

Фото из «Каррент арт магазин», июнь-июль 1975 © KOPE Энтэрпрайзиз инк., Лос-Анджелес, США

искали новых форм применения своему таланту. По словам одного из них, «они хотели вывести живопись за пределы частных коллекций, музеев и ателье — на улицы, где они были бы доступны каждому». Внизу: «Рай для влюбленных» — экспонат Филиппи на международном фотоконкурсе, организованном в связи с конференцией ООН по населенным пунктам [см. также стр. 32].

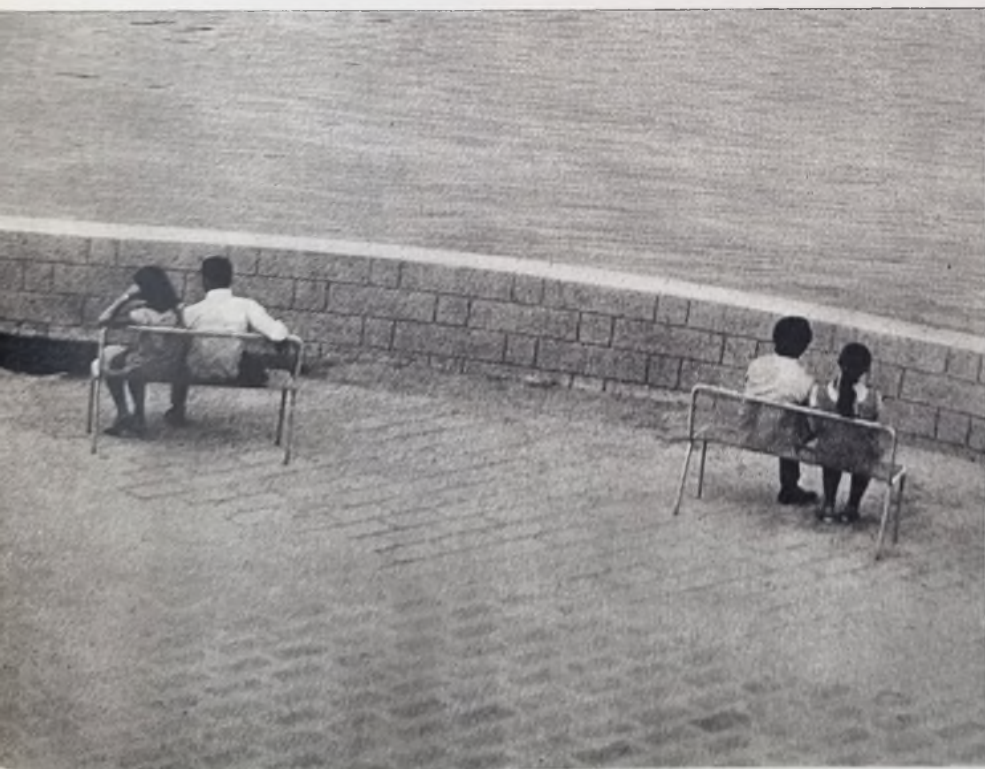

Фото © Ан Ким-Шин, Филиппины. Международный фотоконкурс, ООН-ФИАП

пунктам (Ванкувер, Канада, 31 мая—11 июня 1976 г.), в работе которой принимали участие более 3000 делегатов из 140 стран.

Другими словами, правительствам необходимо установить контроль над землей, с тем чтобы передать ее в руки тех, кто в ней нуждается, а также обеспечить такие элементарные коммунальные удобства, как общественный транспорт и санитарные устройства. Что касается решения остальных проблем, то пусть правительства сотрудничают с теми, кто осуществляет строительство.

Таким образом, задачи свободного участия в строительстве населенных пунктов сводятся к следующему: с одной стороны, элементарная среда обитания должна получить статус, который она заслуживает («не отвечающий стандартам» все же лучше, чем «не отвечающий общечеловеческим нормам», как справедливо отметил Э. Пеньялоса), а с другой — должны быть созданы социальные условия, необходимые для обеспечения приемлемой окружающей среды. Однако в любом случае более гармоничная и благородная взаимосвязь между человеком и окружающей его средой сложится лишь тогда, когда он осознает свою ответственность перед ней. ■

ТРЕТЬ МИРА ЖИВЕТ В ТРУЩОБАХ

Сэмюэль Чамецки

Это трудно себе представить, но к 2000 году более половины населения земного шара переселится в города: согласно недавно опубликованному исследованию «Обзор жилищного строительства в мире», проведенному ООН, через два десятилетия жители городских районов составят 51%, а сельских — 49%.

Сегодня в больших и малых городах живет 39% населения мира, тогда как в 1920 году в городских районах проживало только 19%, а в сельских — соответственно 81%.

Свыше 1 миллиарда человек (около трети населения мира) не имеют сегодня нормальных жилищных условий; вероятно, в ближайшие годы положение еще более ухудшится. Особенно остро стоит эта проблема в крупных городах развивающихся стран, в частности в столицах: треть, а то и половина городских жителей ютится в трущобах и лачугах «скваттерских поселков».

Перенаселенность и отсутствие или недостаточность санитарных устройств — две самые характерные чер-

ты тяжелых жилищных условий в этих странах. У них нет ни водопровода, ни прочих удобств, особенно необходимых при большом скоплении жильцов.

В 1920 году крупные города все еще были исключением; города с населением свыше 500 000 сосредоточивали в развивающихся районах лишь 20% городских жителей, а в развитых — 47%.

В 1950 году примерно в 50 городах с «миллионным населением» в более развитых регионах мира проживало около 130 миллионов человек, а в 25 городах в менее развитых регионах — примерно 50 миллионов. В 1985 году число городов с «миллионным населением» в более развитых регионах возрастет до 126, а их население составит около 340 миллионов; в менее же развитых районах таких городов будет 147, а населения в них — 465 миллионов.

В нынешнем десятилетии впервые число городов с «миллионным населением» в развивающихся странах превысит число соответствующих городов в развитых странах.

Увеличение численности городского населения идет в основном за счет миграции из сельских районов, составляющей во многих городах более 90% общего прироста населения. Все увеличивающийся поток мигрантов устремляется главным образом в районы трущоб и бедных окраин и в настоящее время составляет примерно от одной трети до половины всего населения.

Население 44 городов Африки насчитывает от 100 000 до 500 000 человек. Исследования, проведенные в 15 городах, показали, что процент трущоб и скваттерских поселков в них довольно высок. Лишь в двух из них трущобы составляют менее 48% всех

жилищ, а в одном достигают даже 90%.

По Латинской Америке точные данные имеются лишь для 6 из 15 городов с населением свыше 1 миллиона жителей. В трех из них насчитывается по миллиону обитателей трущоб и бедных окраин.

В 7 городах Азии с населением свыше 1 миллиона в лачугах ютятся более миллиона человек; 3 таких города находятся в Индии, где 70% семей занимают одну комнату, а иногда не имеют и этого.

Еще недавно правительства большинства стран считали, что скваттерские поселки — это временное явление, которое — с развитием городов — в один прекрасный день бесследно исчезнет. Однако, несмотря на усилия правительств разрешить эту проблему, подобные поселения оказались

Фото Г. Герстера © Рафо, Париж

СЭМЮЭЛЬ ЧАМЕЦКИ (Бразилия) возглавляет сектор инженерных наук в отделе исследований в области техники и высшего образования ЮНЕСКО. Сотрудник ЮНЕСКО с 1964 года; был экспертом ЮНЕСКО по строительной технике и фундаментам в Ближневосточном техническом университете, Турция (1963—1964). В прошлом профессор университета Параны (Бразилия). Автор более 30 книг и научных статей по проблемам жилищ, технического образования, строительной техники и фундаментов.

удивительно живучими — размеры и численность их постоянно растут. Возникает вопрос, исчезнут ли такие кварталы в процессе естественного обновления городов или они уже достигли таких масштабов, что являют собой «раковую опухоль в городском организме»?

В действительности трущобы и скваттерские поселки — лишь одно из проявлений острой жилищной нужды. Огромная часть населения мира живет в полуразвалившихся, перенаселенных, лишенных элементарных удобств домах. Трущобы характерны не только для развивающихся стран — и во многих промышленно развитых странах они слывут традиционным местом обитания городской бедноты.

К концу столетия в Африке, Азии и Латинской Америке необходимо по-

строить 730 миллионов жилищ, а в Северной Америке, Европе, Советском Союзе и Океании — 200 миллионов.

Во многих странах в год строятся всего лишь 2—4 жилищные единицы на каждую 1000 человек, тогда как для удовлетворения потребности в жилье необходимо строить 8—10 таких единиц.

Эта цель, согласно данным на 1970 год, достигнута в большинстве развитых стран — таких, как Франция (9,3), Советский Союз (9,4), Дания, Финляндия и Швейцария (10,4), Япония (14,3), Чехословакия, Румыния, ФРГ (8), Испания (9), Швеция (13,6), Австралия (11,3).

В большинстве же развивающихся стран наблюдается огромный разрыв между необходимостью в массовом жилищном строительстве и его осуществлением. Вот несколько цифр.

По Африке: Алжир — 1; АРЕ — 1,5; Тунис — 1,5. По Латинской Америке: Колумбия — 1,2; Доминиканская Республика — 0,6; Тринидад и Тобаго — 2. По Азии: Ирак — 1,8; Шри Ланка — 0,8; Йемен — 0,1.

Итак, треть населения мира, как правило, не имеет крыши над головой или обитает в непригодных жилищах. Подсчитано, что общая численность населения мира сегодня — при нынешнем его росте и удвоении его численности каждые 30 лет — больше численности населения, жившего и умершего на протяжении всей истории человечества. Следовательно, человечество менее чем за 25 лет должно построить жилья больше, чем за все предшествовавшее время, причем около 80% этого поистине непомерного бремени ляжет на плечи развивающихся стран. ■

Круг принято считать универсальным символом гармонии. Слева: деревня на высоком плато в Эфиопии. Справа: современный город в Аризоне (США) — его дома и районы связаны непосредственно с большой центральной площадью, сердцем общины.

Фото Г. Герстера © Рафо, Париж. Из книги Г. Герстера «Земля людей», изд. Атлантис, Цюрих

Фото © Паль Куло, Париж

НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Миллионы бездомных людей занимают свободные земли и строят себе дома

Джон Ф. С. Тёрнер

ДЖОН Ф. ТЁРНЕР — английский архитектор, известный специалист по планированию и организации общественных мероприятий, осуществлению программ жилищного строительства своими силами в сельских местностях и районах городской бедноты. Работал в этом качестве в строительных учреждениях Перу (1957—1965), был консультантом по вопросам жилища и городской застройки при международных и национальных организациях Латинской Америки, Индии, Восточной Африки и Среднего Востока. С 1973 года преподает в аспирантуре Архитектурной ассоциации и на кафедре планировки при колледже Лондонского университета. Публикуемая статья представляет собой сокращенный вариант лекции, прочитанной на заседании Египетского инженерного общества (Каир) в мае 1975 года.

В настоящее время государственное жилищное строительство подвергается серьезной переоценке во многих странах с разных точек зрения. Возникают новые направления, открывающие новые экономические и социальные перспективы. Давайте же рассмотрим некоторые проблемы, связанные с таким жилищным строительством, а также альтернативы, к которым идут сегодня прогрессивные правительства и международные организации.

Новая правительственная политика в отдельных странах — содействие инициативе простых людей и местных предпринимателей в жилищном строительстве.

Один из примеров такой политики — правительственная программа в Каракасе (Венесуэла).

Большинство неконтролируемых городских поселений — это, по существу, пригороды, в которых живут люди с низким и средним доходом. Как правило, все начинается с группы построек, лишенных каких-либо коммунальных удобств, однако со временем они возводят постоянные дома для одной семьи, которые часто отвечают довольно высоким стандартам. Постепенно эти застроенные или застраи-

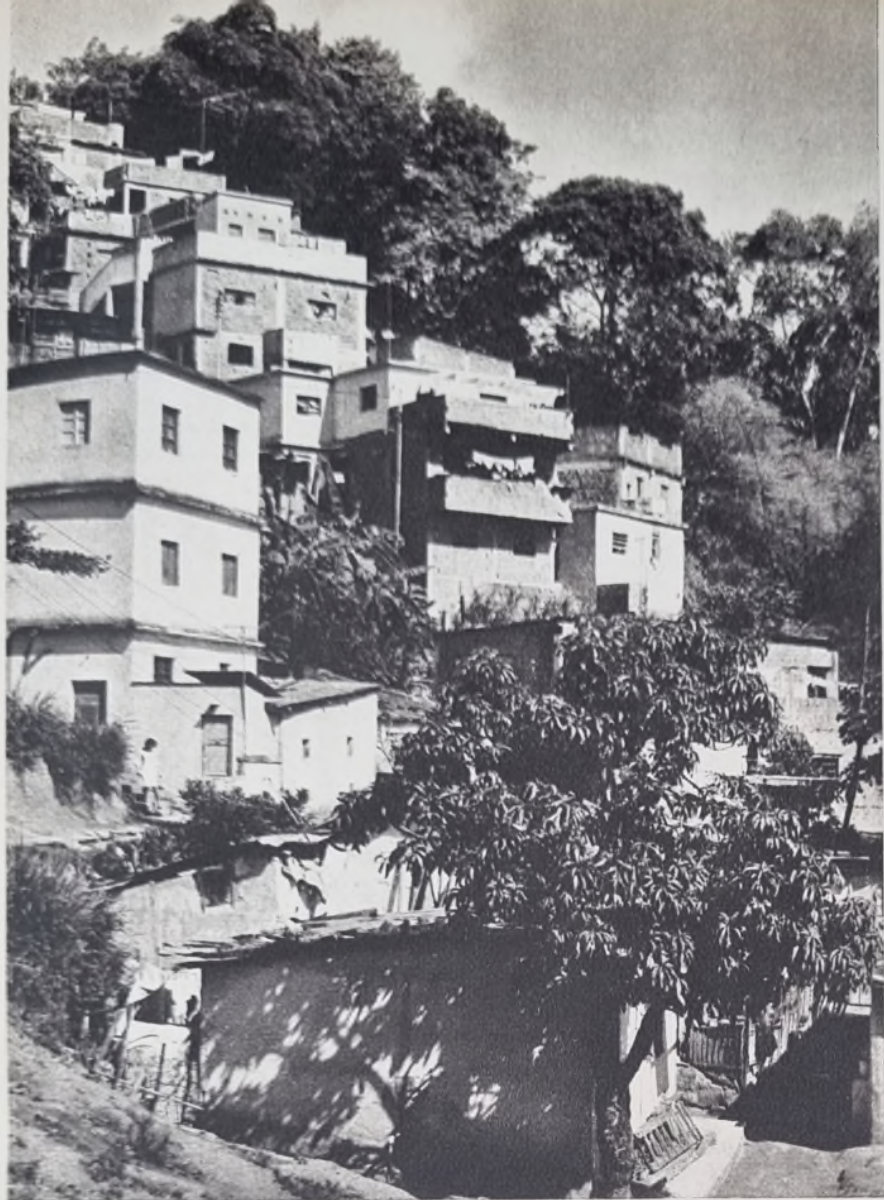

Фото © Джон Ф. С. Тёрнер, Англия

Неконтролируемые городские поселения, так называемые сваттерские поселения — словно огромная волна, захлестнувшая склоны холмов вокруг Каракаса в Венесуэле (на стр. 12). Свыше 1 миллиарда людей в некоторых странах мира населяют сегодня непригодные жилища, и положение, возможно, еще более ухудшится. Лачуги бедняков в сваттерских поселениях, выросших на чужих землях, дают их хозяевам какой-то кров, но часто находятся в ужасающем состоянии. Со временем, правда, если они получают помощь, им удастся порой превратить эти жалкие лачуги в довольно сносные и постоянные жилища (слева).

вающиеся участки обеспечиваются обычными коммунальными услугами и удобствами.

Жители уже застроенных и развивающихся пригородов не относятся к категории самых бедных. Нередко это имеющие постоянную работу квалифицированные рабочие, которые до переселения в пригороды жили в центральной части города, хотя многие из них родились в провинции и переехали в город в юности.

Чрезвычайно широкое распространение этих неконтролируемых поселений — зачастую прямое следствие неспособности частного и государственного секторов обеспечить большинство населения таким жильем, какое оно хочет или может себе позволить, или хотя бы земельными участками и услугами, с помощью которых оно могло бы построить собственное жилище.

Примерно каждые 10 лет население некоторых городов удваивается, и поэтому вполне естественно и неизбежно, что рано или поздно наступает момент, когда люди вырываются за пределы перенаселенного города и бесконтрольно оседают на любом свободном участке земли, который только могут занять. Насколько мне из-

вестно, большинству правительств пока не удалось сдержать этот процесс.

В странах, где процесс урбанизации протекает особенно быстрыми темпами и где отмечается низкий уровень дохода на душу населения, рост пригородных поселков, которые строят простые люди, в два раза превышает рост самого города. В свою очередь города растут в два раза быстрее населения страны.

Это означает, что если численность населения в странах с высокими темпами урбанизации возрастает в пределах от 2,5 до 3,5% (что характерно почти для всех таких стран), то темпы роста городов составляют 5—7%, а темпы роста неконтролируемых поселений, как правило, 10—14% в год. Мне известны некоторые поселения, отмеченные еще более высокими темпами роста.

Совершенно очевидно, что это ставит трудные проблемы перед городом и всей страной. Столь же очевидно, что многие правительства не могут даже надеяться на возможность расселения такого огромного числа людей в дома, построенные на правительственные субсидии. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению альтернативы, которая не только

практически целесообразна, но и чрезвычайно желательна, я коротко остановлюсь на процессе урбанизации и тех методах жилищного строительства, которые я наблюдал в городах Перу в конце 50-х — начале 60-х годов.

Типичный пример — Сан-Мартин де Поррес, крупный район Лимы. Этот огромный участок был заселен при официальной поддержке тогдашнего президента Перу генерала Мануэля Одриа. Рядовой, сержантский и младший офицерский состав армии и полиции активно участвовали в незаконном захвате этой территории — фактически в организованном вторжении.

Спустя несколько лет в Сан-Мартине насчитывалось свыше 100 000 человек со средним и низким доходом, которые жили в довольно приличном и быстро развивающемся районе.

Все постройки в нем возводятся теми, кто приобретает строительные участки (в основном это простые семьи с низким или чуть более высоким доходом). Основная часть строительных работ осуществляется по контрактам, заключаемым отдельными семьями, однако многие из них сами участвуют в строительстве своих до-

мов, а кое-кто все строительные работы выполняет собственноручно.

Строительство первого этажа, отвечающего современным требованиям планировки и качества строительных работ, занимает очень много времени — обычно 5—10 лет. Однако строительство обходится очень дешево, без закладных и крупных ссуд, которые могут существенно подорвать крайне скромный семейный бюджет или угрожать правам на владение недвижимостью.

Как я сам убедился в Перу, размер производимых капиталовложений и бережное отношение к своему дому в значительной мере зависят от сознания того, что человек может жить в данном месте столько, сколько захочет, или переехать в другой приемлемый для него дом, не неся при этом никаких финансовых потерь. Использование личного труда для ухода за зданием и экономия в жилищном строительстве зависят от сознания владельцев, что имеются гарантии на владение недвижимостью.

По существу, это самая распространенная практика жилищного строительства с древнейших времен. Мне вспоминаются слова Томаса Мора из знаменитой «Утопии», написанной более 400 лет назад: «Вначале дома были очень низкими; как и все обыкновенные избы или хижины бедных пастухов, они строились кое-как из первых попавшихся необработанных кусков дерева, имели глиняные стены и остроконечную кровлю, крытую соломой. Однако ныне дома строятся причудливым образом, имеют нарядный и респектабельный вид и три этажа».

В Арекипе, на юге Перу, я видел, как вокруг «обыкновенной крестьянской избы» с «остроконечной кровлей, крытой соломой», возводилось новое строение. Когда наступит срок возводить крышу, будет разрушена старая изба и построен сравнительно «нарядный» дом, возможно даже с «тремя этажами».

Вопрос, который следует поставить во многих странах мира, сводится к следующему: кто или какой сектор способен лучше всего организовать строительство, построить и содержать дома для людей и жилые районы? Частный сектор? Государственный? Или некая комбинация из них?

Я не коснусь частного сектора, поскольку, несмотря на его важную роль, он все же не может заниматься строительством жилья для людей с низким доходом и поскольку гораздо более перспективным в этом плане представляется сотрудничество между населением и правительством.

Прежде всего я попытаюсь суммировать общие, на мой взгляд, черты жилищного строительства, осуществляемого в централизованном порядке, отличающегося от строительства, контролируемого потребителями. Главное различие между ними — в характере их полномочий или контроля, то есть в том, кто принимает решения.

В типичном жилищном строительстве, которое ведется в централизован-

ном порядке, практически все решения, связанные с проектированием, выбором места, финансированием, осуществлением строительства и руководством, принимаются центральной организацией. В местном же жилищном строительстве в соответствии с типичной традиционной практикой все эти решения принимаются потребителями (обычно владельцами) совместно с привлекаемыми строителями.

С географической точки зрения централизованное жилищное строительство, как правило, осуществляется на периферии уже застроенных районов крупных городов. В деревнях и небольших городах такое строительство ведется редко. Это объясняется главным образом масштабностью управляющей организации и вытекающей отсюда необходимостью вести массовое строительство, так как иначе оно будет не экономичным. Кроме того, лишь на периферии можно найти крупные и дешевые или сравнительно дешевые земельные участки.

Что же касается жилищного строительства, контролируемого потребителями, то оно ведется во всех районах больших и малых городов и в деревне.

Конечно, не все программы государственного жилищного строительства ориентируются на большие многоквартирные дома, однако главная тенденция и общее правило именно таковы. Представление о том, будто высотные здания обеспечивают большую плотность заселения, не всегда правильно, хотя для крупной фирмы, как правило, легче строить большие здания — во всяком случае, более выгодно, особенно потому, что это дает возможность наилучшим образом использовать такие высокопроизводительные механизмы, как мощные краны. Однако высотные здания сложнее вписываются в неровный рельеф.

Другое существенное различие между централизованным жилищным строительством и строительством, контролируемым потребителями, заключается в том, что в первом случае дома предельно стандартизованы по тем же соображениям административного и технического характера. Количество типовых проектов должно быть сокращено до минимума — в противном случае руководить становится чрезвычайно сложно и недопустимо возрастает стоимость строительства.

Жилищное строительство на местах, осуществляемое под руководством местных жителей и их небольших организаций, как правило, не только обеспечивает необходимое разнообразие проектов, отвечающих различным функциональным потребностям жильцов, но и ведется порою значительно быстрее.

В Вилла-Сальвадоре, новом поселке к югу от Лимы (Перу), 16 000 семей, объединившись в ассоциацию, недавно в весьма сжатые сроки построили практически новый город-спутник. Сначала, конечно, все жили в лачугах, однако через несколько месяцев значительное большинство переселен-

цев уже строили дома, используя кирпич и бетон.

Сегодня же, спустя 4 года, в поселке живет более 120 000 человек, причем почти у всех условия лучше, чем прежде, когда они ютились в трущобах или арендуемых квартирах. Это пример того, что было сделано для большого числа людей в короткий срок и с ограниченными ресурсами.

Если взять весь жизненный период семьи — от первого дня супружеской жизни до смерти (скажем, 50 лет) — и подсчитать общие затраты и выгоды, связанные с жильем, построенным в централизованном порядке, и сравнить их с соответствующими данными о жилье, построенном под контролем потребителей, можно, видимо, прийти к заключению, что между ними огромная разница.

В финансовом отношении такая разница может составить несколько тысяч процентов в силу следующих обстоятельств: первоначальная стоимость (или стоимость строительства) такой квартиры обычно в два раза превышает стоимость аналогичного жилья, построенного частным подрядчиком или строителем. Эта цифра может быть еще больше, если дом возводится мелким строителем, работающим непосредственно на владельца-жильца.

Если же владелец-жилец одновременно является и владельцем-строителем, то такая разница часто достигает 400%. Эта величина умножается затем на проценты и срок, на который предоставляется необходимая ссуда — чем больше сумма, тем дольше, разумеется, и срок погашения долга.

Помимо первоначальной стоимости, необходимо также учитывать и расходы по содержанию жилья. Известно, что первоначальные затраты довольно велики в многоквартирных домах, которые принадлежат государству. Если же такие расходы невелики, то здания приходят в ветхость, причем, как правило, очень быстро.

В своей книге «Свобода строительства» я поместил фотографию, на которой показано, как американские солдаты взрывают государственный жилой дом в Сент-Луисе (штат Миссури, США). Когда дом был построен, архитекторы получили премию за удачный проект. А 20 лет спустя дом пришлось взорвать, поскольку его эксплуатация и содержание стали экономически невыгодными.

Это не единичный случай. В настоящее время в Англии сносятся несколько крупных жилых массивов. Совсем недавно недалеко от Ливерпуля были снесены два высотных квартала, построенные в 1957 году. Снесенные здания входят в число 100 000 государственных квартир, построенных в Англии после второй мировой войны, — сейчас их невозможно сдать в аренду.

Не удивительно поэтому, что расходы на жилищное строительство резко возрастают и становятся недоступными для лиц с низкими доходами и правительств, испытывающих бюджетные затруднения во всех случаях, когда централизованное строитель-

В СССР ежегодно строятся 20—25 новых городов и реконструируются сотни старых. Генеральные планы развития имеют 1976 городов и свыше 1600 поселков. На снимке: в архитектурной мастерской разрабатывается новый проект развития городского района.

Фото © АПН, Москва

ОСТОРОЖНО! ТРАДИЦИИ!

Советский архитектор размышляет
о достоинстве старого и нового в зодчестве

Феликс Новиков

ФЕЛИКС АРОНОВИЧ НОВИКОВ — известный советский архитектор, автор ряда значительных сооружений, в том числе Дворца пионеров в Москве и комплекса Института электронной техники в Зеленограде, за которые удостоен Государственной премии РСФСР (1967), Первой премии Союза архитекторов СССР (1972) и Государственной премии СССР (1975). В настоящее время по его проекту строится здание посольства СССР в Мавритании. Член правления Союза архитекторов СССР, Ф. Новиков выступает и как критик, теоретик архитектуры: цикл его статей в журнале «Новый мир» отмечен Первой премией Союза архитекторов СССР (1975). Недавно закончил работу над рукописью книги «Синяя птица архитектуры». Публикуемая статья написана специально для «Курьера ЮНЕСКО».

В наши дни модно критиковать архитекторов. Впрочем, это в традициях человечества. Разве мы не знаем, что даже Эйфелева башня была объектом поношения со стороны людей, весьма уважаемых не только в прошлом? И если вдруг обнаружатся документы, свидетельствующие о крайнем раздражении афинских граждан фактом строительства Парфенона, то и в этом не будет ничего удивительного.

Однако там, в прошлом, все обошлось довольно благополучно. По крайней мере теперь, с наших позиций, все оставшееся нам в наследство представляется поистине гуманной и гармоничной средой.

Другое дело — плоды нашей собственной созидательной деятельности. Здесь действительно достаточно противоречий, очевидных поводов, способных вызвать общественное недовольство. И поскольку оно объек-

тивно существует, более того, носит глобальный характер, было бы крайне полезно попытаться понять природу этого весьма распространенного явления.

Чем же недовольны люди? Что не нравится им в современном градостроительстве? И если проблема действительно существует, то каковы же пути ее разрешения?

На мой взгляд, есть два уровня общественной неудовлетворенности характером современного урбанизма. Один из них касается сугубо потребительских проблем и поэтому может быть достаточно четко сформулирован и при известных экономических усилиях успешно преодолен. Другой же определяется эстетическими проблемами, а это уже чисто профессиональная задача, разрешение которой зависит главным образом от самого архитектора.

По всей видимости, с этой задачей ▶

архитекторы не всегда справляются. Более того, многие полагают, что это вообще не их дело. Между тем истинное призвание архитектора — одухотворить тот материальный мир, который создает для себя человечество. Все остальное оно делает без нас.

И разве практика не подтверждает мысль о том, что, если современное общество захочет отдать своим зданиям столько же творческих усилий, сколько тратится на изготовление новых промышленных товаров, если оно признает, что дома важнее автомашин, тогда архитектор снова будет играть важную социальную роль. А пока это еще не вполне получается, люди с большей симпатией обращаются к прошлому опыту зодчества, противопоставляя его опыту современности.

Американский архитектор Питер Блейк замечает, что в настоящее время куда большим успехом пользуются старые здания, перестроенные для новых целей, нежели образцы современного градостроительства, выполненные по новейшей технологии. По его мнению, архитектурный институт в Пенсильвании, занявший старое здание колледжа для подготовки зубных врачей, много лучше, чем тот, который расположился «в шедевральном творении Поля Рудольфа в Иерусалиме».

Ему вторит французский критик Пьер Швейдер, утверждающий, что наиболее правильной позицией для современного молодого архитектора является отказ от создания новых зданий и поиск путей к использованию старых, пока они еще могут быть использованы.

Я думаю, что причины столь откровенного интереса к старым постройкам, заметное повсюду тяготение ко всему древнему, есть закономерная реакция на машинность и бездушие многих современных сооружений. Разумеется, люди всегда отдавали должное искусству старых мастеров, всегда бережно относились к старинным предметам обихода, наследуемым от предков. Но разве поклонение древнему предмету носило когда-либо такие масштабы? Разве прежде люди додумывались до массового производства мебели, всяческой утвари, бижутерии, представляющих собой откровенную подделку? Должно быть, в этом — одно из проявлений стремления людей найти компенсацию тому, чего пока еще не всегда дает им современная архитектура, вся искусственная среда. Конечно, можно и архитектуру подделывать под любой ушедший стиль. Однако это оказывается несравненно дороже других подделок.

Причиной критического отношения к современному зодчеству является господствующий в нем технический дух, проявляющийся в схематизме форм. Постройки наших дней в подавляющем своем большинстве демонстрируют прежде всего и главным образом свою связь с техникой, стремятся выразить конструктивную схему, технологию производства и монтажа сооружения.

Однако для архитектуры этого мало. У нее есть еще и иная, общественная функция. Примат техники как бы вытесняет из архитектуры испокон веку свойственное ей духовное начало. Современный техник в своих крайних проявлениях едва ли не античеловечен. Должно быть, пришло время гуманизации архитектуры.

Но, может быть, дело не только в этом? Весь путь развития зодчества носит циклический характер — поиски нового, отрыв от традиционных форм архитектуры сменяется обращением к традициям. Это качели истории. Мастера Ренессанса черпали вдохновение в античности. Мастера ампира побуждали к творчеству исследования, сопутствовавшие египетским походам Наполеона. Быть может, и мы стоим сегодня у той черты, от которой начинается возрождение интереса к прошлому архитектуры? Люди, должно быть, несколько устали от стремительного поступательного движения, свойственного нашему веку.

Вполне вероятно, что это именно так. Не случайно в рамках программы культурных мероприятий ЮНЕСКО значится «изучение традиционных форм архитектуры для их использования в современных условиях». Но тогда возникает вопрос о характере взаимодействия современности и традиции. Ведь традицию можно употребить не только к добру, но и во зло. Не угрожает ли вновь архитектуре волна эклектизма и булгарии? Признаки подобных тенденций уже в какой-то степени дают о себе знать.

Человечество всегда, в любой момент развития общества находится между прошлым и будущим. Однако прошлое в искусстве, в архитектуре в частности, даже весьма отдаленное во времени прошлое, ему часто представляется более привлекательным, чем самое ближайшее будущее. Путь в прошлое всегда короче. Прошлое, вновь воспроизводимое в архитектуре, всегда узнаваемо. Уже этим оно способно вызвать знакомые и привычные образы, и потому может быть принято легче, чем образы неведомого еще, незнакомого будущего.

И все-таки общество устремлено вперед. Всегда находятся творцы, призванные ответить этим его стремлениям, и это тоже — традиционно. Но будущее непривычно, и тем оно отпугивает. Но тем же и привлекает. Новое всегда — и в далеком прошлом тоже — принималось не сразу. Так будет и впредь. Однако наиболее яркие проявления будущего обладают огромной притягательной силой. Они завоевывают сторонников, привлекают к себе наиболее передовые слои общества и добиваются в конце концов признания.

Но при чем же здесь традиция? Макс Фриш, по образованию архитектор, успевший до начала своей литературной карьеры построить в Цюрихе ряд крупных сооружений, замечает устами своего героя: «Что, собственно, значит традиция? Помоему, это значит — разрешать задачи нашей эпохи не менее смело, чем наши предки разрешали задачи своей. Все прочее — стилизация, мифифицирование».

Я целиком присоединяюсь к программе «изучения традиционных форм архитектуры», но с опасением отношусь к «их использованию в современных условиях». Как бы это «использование» не было понято чисто механически.

Я убежден, что традиции должны пониматься шире, чем конкретные формы прошлого. Иначе нам придется отказаться от всех достигнутых нашим веком технических завоеваний и вернуться к кустарному производству деталей классической архитектуры. Или, быть может, имеется

в виду, что новая техника массовым тиражом будет производить традиционные формы?

Разумеется, проблема гораздо сложнее. И, должно быть, именно поэтому находятся различные ее толкователи, в том числе и такие, которые стремятся оживить реставрационные тенденции, пытаясь реставрационным путем увязать современные постройки с исторической средой, с национальными традициями.

Однако есть и иной путь — поиски глубинных, внутренних связей с традицией, путь создания новых современных форм, развивающих характерные черты архитектуры, принадлежащей той или иной земле. Думаю, что на этом пути техника может служить лишь средством к достижению цели. Сегодня особенно очевидно, что техника сама по себе, как бы ни была она совершенна, не способна разрешить проблем современной архитектуры.

Я убежден, что заблуждаются те, кто надеется в итоге научных исследований дать рецепты, обеспечивающие создание гармоничной среды обитания. Условно формулу архитектуры я выразил бы следующим образом: архитектура = (наука + техника) × искусство. И, как бы ни были велики значения слагаемых, мы не получим положительного результата, если множитель окажется равным нулю.

Все, что мы высоко оцениваем в великом прошлом архитектуры, все, что составляет дорогие нам традиции, есть проявление художественного начала в архитектурном творчестве. В последнее время наряду с понятиями «качество жизни», «качество среды» стало укореняться и выражение «качество архитектуры», представляющееся мне неправомерным — мы же не говорим о качестве симфонии или поэмы.

Слово «качество» к искусству не приложимо. Есть другие слова, определяющие достоинство художественного произведения. Правда, я допускаю выражение «архитектура сомнительного качества». Но тем не менее мы сможем говорить о высоком качестве жизненной среды относительно ее архитектурных составляющих, как только сама архитектура окажется выше понятия качества.

Однако не слишком ли мы требовательны к архитекторам? Претензии к ним — тоже традиция, как я уже упомянул в начале статьи. Вот только никогда прежде противоречия не достигали таких гигантских масштабов. Но ведь сегодня все статистические данные отличаются астрономическим порядком цифр. Наш век — век количеств. И потому я думаю, что если бы мы, архитекторы, внимательно и добросовестно подсчитали все великолепные сооружения, построенные нами в последние годы в этом мире, то тут же и выяснилось бы, что никогда прежде не производилось на свет столь большое число архитектурных шедевров. Но такой уж у нас век больших чисел: недостатка в хорошей архитектуре — такого, как сейчас, — тоже никогда не испытывалось.

Здесь нужно указать на одно немаловажное обстоятельство. Прошлые мы всегда оцениваем по высшим достижениям, в то время как о современной среде судим по массе преобладающего материала. Разумеется, такое суждение складывается закономерно. Это только профессионал мо-

Согласно поговори,
город без старых
зданий — все равно
что человек без памяти.
Эта островерхая башня
и деревянный дом
напоминают жителям
нового города
в Чехословакии
о старой деревне,
на месте которой
выросли их новые
высотные дома.

Фото © Л. П. Небба, СССР. Международный фотоконкурс, ООН-ФИАП

жет суммировать в своем представлении все достижения мирового зодчества и, опираясь на них, оптимистически смотреть в будущее. Непосвященный же вовсе не должен этого делать — ему достаточно просто оглянуться по сторонам. Но я-то думаю, что если в городе есть хотя бы одно прекрасное произведение зодчества, то и это уже большое счастье для него. Такое достается далеко не каждому городу.

Должно быть, мы никогда не сможем ничего поделать с тем, что создание выдающихся художественных произведений есть привилегия немногих избранных мастеров. И хотя наши усилия по повышению

уровня стандарта среды обитания безусловно приведут нас со временем к лучшим результатам, тем не менее подлинные украшения жизни и впредь — по традиции — будут создавать лишь единицы.

Быть может, это хорошо? Иначе люди разучатся ценить талант и мастерство художника?

Предъявляя высокие требования архитекторам, наше советское общество критикует их за безликость и однообразие построек, но в то же время замечает и щедро оценивает те их создания, в которых видит истинный талант зодчего. Выдающиеся постройки ежегодно отмечаются почетными премиями государства,

как и произведения литературы, музыки, изобразительного и театрального искусства.

Как бы то ни было, я не сомневаюсь в том, что и наше время оставит о себе добрую память, что во многих талантливых проявлениях и наше творчество составит для потомков предмет государственной охраны. Не только потому, что потомки будут добрее к нам. В современном зодчестве есть уже и теперь и непременно еще возникнут в немалом числе выдающиеся постройки, не только воспринимающие или развивающие традиции, но и создающие их, и потому способные оплодотворить будущее архитектуры.

«ЗАВТРАК НА ТРАВЕ»

САМИ СТРОЯТ СВОИ ДОМА

Во многих развивающихся странах жить в „дешевых“ домах, предназначенных для бедняков, могут себе позволить лишь более состоятельные люди

Джозеф Бейн Д'Соуза

Правительства многих стран «третьего мира», перед которыми стоит все усугубляющаяся проблема трущоб и целых городов из жалких лачуг, начали осуществлять экстренные программы субсидируемого строительства дешевых жилищ для беднейших слоев населения. В Индии, например, программа государственного жилищного строительства в последний пятилетний период, закончившийся в 1974 году, обошлась в 550 миллионов долларов. Но, как и в большинстве стран развивающегося мира, в Индии большую часть таких домов покупают состоятельные люди, бедняки же остаются ни с чем.

Данные Международного банка по пяти городам — Мадрасу, Ахмедабаду, Найроби, Мехико и Боготе — свидетельствуют, что самые дешевые дома, построенные государством, доступны лишь 30—50% наиболее состоятельных городских жителей.

Эти данные основаны на предположении, что люди могут расходовать на жилье 15% своего дохода. Но предположение это весьма преувеличено. Беднейшие слои населения в большинстве развивающихся стран, пожалуй, три четверти своего дохода тратят на питание, остальное идет на топливо, обучение, одежду, лечение и домашнюю утварь; на оплату жилья остается всего 6—10% заработка.

Таким образом, если исходить из этих, более реальных цифр, то оказывается, что еще меньше людей в состоянии купить субсидируемые «дешевые» дома. В Ахмедабаде, например, субсидируемая программа жилищного строительства обеспечивает

только 15% наиболее состоятельной части населения. Согласно недавно проведенному обследованию в городах Северной Индии, из 10 домов, строящихся для бедняков, от 7 до 9 приобретаются состоятельными горожанами.

В то же время организации, занимающиеся жилищным строительством, стремятся обеспечить жильем именно бедняков. В чем же здесь дело?

Проиллюстрирую примером из собственной практики. Главный комиссар одного из крупнейших городов Индии, глядя на диаграмму в моем кабинете, показывающую, как мало может расходовать на жилье семья с доходом менее 36 долларов в месяц, недоумевал: «Но как это возможно зарабатывать в наше время меньше 36 долларов в месяц? Вряд ли это может относиться к какой-либо городской семье!»

Однако в действительности всего 15% семей в Индии имеет доход в 36 долларов. Это означает, что из 350 тысяч семей города, которым руководит этот комиссар, таким доходом располагает лишь 55 тысяч семей, а из остальных 295 тысяч почти половина имеет доход меньше 18 долларов.

Недоумение комиссара как раз и указывает на причину всех бед: это пропасть, разделяющая бедняков и тех, кто занимается жильем для них. Руководители планирующих органов, архитекторы, инженеры и администраторы — почти все они принадлежат к высшим и средним классам.

ДЖОЗЕФ БЕЙН Д'СОУЗА — председатель и директор государственной корпорации по развитию жилищного строительства в Индии, известный специалист по осуществлению программ жилищного строительства в новых городах, не требующих вложения крупных средств. С 1947 года он находился на административной службе, исполнял обязанности городского менеджера в Бомбее, был директором корпорации промышленного развития Махараштры; отвечал за планирование и строительство Нового Бомбея (2 миллиона жителей).

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 12

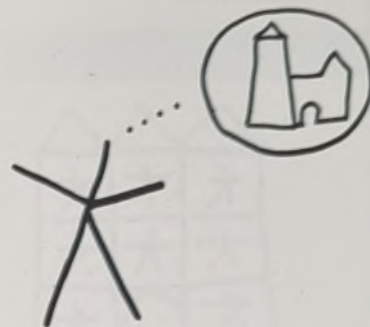
Фото © В. Инсёр, Прага

ПРОЕКТИРОВАНИЕ В КАРТИНКАХ

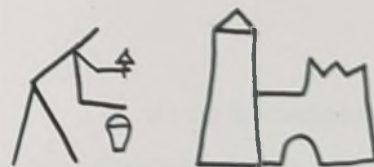
Мы публикуем рисунки французского архитектора, специалиста по городской планировке Ионы Фридмана с его сопроводительными подписями к ним. В прошлом году они экспонировались на выставке работ И. Фридмана «Осуществленная утопия» в Музее современного искусства в Париже. Идея И. Фридмана состоит в том, что люди могут принять участие в проектировании домов, в которых им предстоит жить, если они ясно представляют себе, что из этого может получиться.

Текст и фото © И. Фридман, Париж

Иона Фридман

Планировка предполагает, что есть кто-то, кто мысленно представляет себе свой будущий дом.

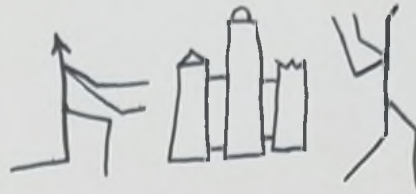
Если он сам составляет планы, он должен будет признать собственные ошибки.

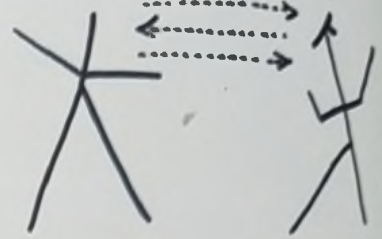
Он поймет свои ошибки только тогда, когда поселится в собственном доме.

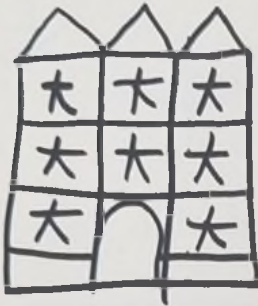
Если он поручит эту работу специалисту...

...специалист может не понять, чего хочет жилец, и наделать ошибок; но жилец, а не специалист должен будет жить в этом доме.

Специалист может избежать ошибок, если найдет время посоветоваться с будущим жильцом.

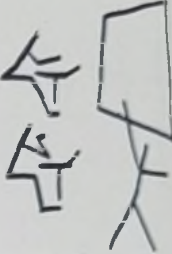

...и будет работать, имея в виду этого «среднего человека».

Очевидно, если люди должны жить в этих домах, они не будут удовлетворены ими, поскольку дома рассчитаны на «среднего человека» [а такого физически не существует].

Возникает необходимость взаимодействия между специалистом и жильцом. Можно вообразить, что будущий жилец сам составит план. Но он не один. Он лишь один из многих. Его план не должен идти вразрез с планами других. Он должен научиться разъяснять свой план другим. Итак, взаимодействие между жильцами в планировании — лишь первый шаг...

Мало кто из них знает, сколь многочисленны и сколь бедны неимущие слои населения.

Поэтому они строят свои планы, исходя из собственного представления о том, какими должны быть дома и какую часть дохода люди в состоянии расходовать на них. В частности, они нередко исходят из того, что бедняк может расходовать на покупку дома четверть, а то и треть своего дохода.

На самом же деле семья, живущая на 36 долларов в месяц, едва ли в состоянии расходовать на жилье 3,6 доллара. Даже при рассрочке на 20 лет и при 5% годовых на ссуду максимальная стоимость дома, на которую может рассчитывать большинство людей, составляет около 550 долларов.

Но работники планирующих органов и архитекторы беспомощно разводят руками: построить приличный

дом, пригодный для того, чтобы человек жил в нем, за 550 долларов просто невозможно — слишком дорого стоят кирпич, сталь и цемент; дом должен стоять сто лет; у каждого жильца должен быть отдельный угол; дом должен отвечать определенным стандартам в соответствии с законами, призванными охранять интересы населения.

Фактически же эти нормы и стандарты, направленные на защиту благосостояния людей, подрывают благосостояние беднейших слоев населения, так как лишают их возможности строить дома, которые были бы доступны для них. И потому продолжается строительство домов, соответствующих представлениям среднего класса, их покупают только состоятельные горожане, ибо беднякам они не по карману. Где же выход?

Вот пример. В 1975 году в одном

только штате Индии катастрофическое наводнение уничтожило 2000 домов, принадлежащих беднякам. Через 3 месяца, еще до того как развернули свою деятельность строительные организации, большинство пострадавших уже выстроили для себя жилища из тех материалов, какие они смогли как-то достать или приобрести. Один из них, Радж Кумар, построил со своей семьей дом из глины с соломой без помощи архитекторов и инженеров. Он сказал, что материалы и плотничьи работы обошлись ему в 54 доллара.

Сейчас, еще 3 месяца спустя, строительные организации начали строить благоустроенные дома стоимостью 800 долларов, отвечающие всем стандартам и предназначенные для тех, кто в отличие от Радж Кумара не в состоянии заплатить 54 доллара за материалы для постройки

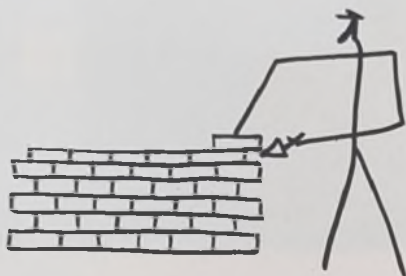
Но если будущих жильцов много, невозможно выслушать каждого...

Поэтому специалист воображает себе «среднего человека»...

Тогда жилец может составить план сам без специалиста...

...предоставляя ему возможность технически осуществлять строительство.

собственного дома. Кто же в конечном счете окажется владельцем этих домов?

Без какой-либо помощи, предоставленные сами себе, бедняки в трущобах и на окраинах городов в развивающихся странах добиваются успеха в строительстве собственных жилищ. Только благодаря этому «самодеятельному» строительству можно решить «роковую» проблему городских трущоб.

В развивающихся странах, где подавляющее большинство людей имеет крайне низкий доход, бессмысленно делать вид, что можно обеспечить их «приличным жилищем» — в понимании работников планирующих организаций, по ценам, которые совершенно недоступны им. Из этого положения нет как будто иного реального выхода, кроме легализации «самодеятельного» строительства.

Сейчас некоторые руководители планирующих органов начинают понимать, что надо создавать благоприятную среду для «самодеятельно» возникающих поселков: наладить водоснабжение и канализацию, организовать уборку мусора, других отходов и т. п. Поселенцы и скваттеры сделают все остальное, если будут уверены, что у них не отберут землю, что их усиленно поощрят и окажут им ту помощь, которую они заслужили. Дать людям небольшие участки земли, быть может, заложить основу домов, которые они потом достроят сами, — вот путь к созданию тысяч «новых» жилищ, причем субсидии правительства ограничатся всего 360—550 долларами, а не в 10 раз большими. Во многих случаях вообще никакой субсидии не потребуется. Главное — это стимул.

Вначале поселенцы будут достраивать свои дома любыми материалами,

которыми они смогут располагать. Если это их собственный дом, построенный их руками и в том виде, каким он был задуман, то они постепенно усовершенствуют его, по мере того как будет улучшаться их положение.

Пусть эти дома не будут выглядеть столь аккуратно, «фотогенично» и «престижно», как изящные новенькие дома, о которых мечтают большинство работников планирующих организаций. Но, как стремится уяснить себе Конференция ООН по населенным пунктам в Ванкувере, единственный путь к улучшению жилищных условий миллионов людей в трущобах городов развивающихся стран — довериться «самодеятельности» и изобретательности этих обитателей трущоб.

А для этого надо пересмотреть не только теперешние нормы и законы, но и «наше» представление о том, что такое «дом».

Эта пожилая чета [внизу] почти 40 лет счастливо прожила в своем маленьком деревянном доме с садиком [слева] в промышленном пригороде Нанта (Западная Франция). Но в связи с планами городского переустройства их переселили в современный многоквартирный дом [справа]. Для них это было не просто переездом в новую квартиру — пришлось приспособливаться к новому, чуждому им образу жизни. Об этом они и рассказывают.

Фото © П. Пишар, Париж

Жена: Я жила в деревянном доме в Ле Ранзе с того самого дня, как его выстроили. Мне было семь лет, когда мы переехали в этот дом. Было это в 1920 году, и в доме еще было много недоделок. А оставили мы его в 1965. Сорок пять лет я прожила в этом доме с садом, почти с одними и теми же соседями. Здесь прошла моя молодость.

Как случилось, что нам все же пришлось покинуть наш дом? И так, однажды до нас дошли кое-какие слухи. Сами знаете, как обычно бывает — все начинается с разговоров, а потом не знаешь, верить им или нет.

Люди стали поговаривать, что дома в Эльвеке и Баретте будут сносить и на их месте построят многоквартирные жилые дома. Было это году в 1963; помнится, я пошла тогда к управляющему попросить разрешения на пристройку к нашему дому крытого крылечка, чтобы можно было оставлять там обувь и верхнюю одежду. «Ладно, — говорит он, — пристраивайте, да только сохраните все счета на случай, если задумаете уезжать отсюда: может, сумеете получить компенсацию с тех, кто въедет после вас».

Муж и мои мальчишки — оба тогда были разнорабочими — построили крылечко из фиброцемента. Однако всего два года мы им пользовались. Конечно, мы знали, что началось строительство на землях Ренодьер. Несколько деревянных домов уже снесли, и люди переселились — кто

НА НОВОМ МЕСТЕ

Пожилая чета переезжает из маленького собственного дома в большой многоквартирный дом

Этот бесхитростный рассказ пожилой четы в одном из пригородов Нанта (Франция) взят из опроса, проведенного в 1968—1971 годах группой преподавателей и студентов Архитектурной школы при Нантском университете. В сентябре 1972 года французский ежемесячник «Там модерн» опубликовал серию таких интервью, в которых жители Нанта и его пригородов поведали о своих проблемах, в частности о тех, что возникли после их переезда в новые районы города.

в новые квартиры, а кто в другие деревянные дома в Эльвеке и Баретте.

В Ле Ранзе все утешали друг друга: «До нас не скоро еще доберутся». А оказалось, что наши дома были первыми на слом. Однажды пришел какой-то человек и говорит: «Хочу дать вам совет. Переезжайте, пока не поздно, в квартиры, что построены в

Ренодьер. Как говорится, кто первый пришел, тот и поспел. Сможете выбрать, пока есть из чего выбрать». Мы еще подумали тогда: и на что это нам нужно селиться в многоквартирных коробках. Пожалуй, останемся в своем домике с садом, неизвестно еще, когда это нас коснется... время покажет, вот придут бульдозеры, тогда и подумаем, что делать.

Только ждать пришлось недолго. Как-то раз возле дома вдруг появились дорожные рабочие. Мой муж спрашивает их, что им здесь надо. А они говорят: «Будем прокладывать дорогу. Она пройдет как раз через ваш дом». Они подтвердили, что Ле Ранз будут сносить.

Ну что нам оставалось делать? Вот и переехали сюда. Обсудили всей семьей, и мальчики сказали: «Хоть останемся в этих же местах, если переедем в одну из квартир в Ренодьер». Да мужу моему не так далеко ездить на работу. Он ведь посменно работает: неделю с утра — с четырех до часу дня, а неделю с полудня — с часу до десяти вечера. В его возрасте не очень-то любят всякие перемены. Ему 59, и, проработав 41 год, он привык к такому распорядку. Трудно даже представить себе, как он будет вставать в три часа ночи и ехать через весь город на мопеде. Но по крайней мере останемся в прежнем районе, неподалеку от друзей. Так мы и переселились в трехкомнатную квартиру. Нелегко было привыкать, скажу я вам.

Сама по себе квартира как будто и неплохая, но вот все остальное — по мне, так никуда не годится... Самое плохое то, что нет сада. Мы никак не можем к этому привыкнуть.

Что там говорить: центральное отопление, горячая вода и всякое другое... К старости такие удобства особенно ценишь. Но самое ужасное, что в этой квартире постоянно чувству-

ешь себя отрезанной от остального мира. И еще эти огромные окна. Говорят, что теперь они в моде — но всем невдомек, зачем делать окна во всю стену, от потолка до пола. Света хватило бы, если бы они были и в половину меньше, зато рядом с окном можно было бы поставить кое-что из мебели.

Знаете ли, тем, кто строит дома, не мешало бы прежде посоветоваться с женщинами, какой должна быть планировка. Вот если бы они заглянули на такую квартиру глазами женщины, они бы поняли, удобно ли в ней жить или нет.

А поддерживать в этой квартире чистоту? Сколько материала требуется на шторы, да ведь и других расходов с переездом не оберешься! И что уж совсем не годится, так это то, что нет никакой возможности получить хоть какую-нибудь ссуду, а за квартиру надо платить вперед!

Очень трудно протирать такие огромные окна и мыть такие полы, не мне вам рассказывать, от домашней уборки порой не разогнешь спины... Конечно, в нашем старом доме мы тоже мыли окна, их было четыре, но они не были такими огромными.

Раньше настоящей работой считалось построить беседку в саду или курятник или соорудить полки на кухне. По крайней мере видишь результат своего труда, да и в хозяйстве кое-что прибавлялось. А здесь то и дело убираешься: не успеешь закончить, как уже наступает следующая

неделя, и снова надо приниматься за уборку.

На старом месте мы всегда что-нибудь мастерили, у нас был даже настоящий верстак. Здесь этого нельзя себе позволить. Просверлить дырку в стене и то не разрешается, к тому же соседи могут пожаловаться на шум.

Муж: Свой прежний дом мы полностью переоборудовали. Я сделал пристройку для мастерской, так как в подвале места было маловато; построили навес для велосипедов, курятник и заднее крыльцо.

Понемногу все делали. В самом доме тоже многое перестроили. В подвале оборудовали маленькую кухню, а в гостиной сделали перегородку, и получилась маленькая спальня, а в большой половине мы устроили столовую.

Мы всегда могли достать материалы прямо с фабрики — это обходилось дешевле. И всегда можно было рассчитывать на соседей, которые в трудную минуту протянут руку помощи. Вокруг все что-нибудь пристраивали и улучшали свое жилище. Даже гаражи строили, у кого были машины.

Жена: Это хорошо, что мы сами старались что-то улучшить да изменить, потому как дома не все были удобные. Например, водопровод был во дворе. Потом мы заплатили, чтобы воду провели в дом. Договорились с соседями рядом, чтобы нам одновременно это сделали.

Как видите, работы хватало. Но все равно у нас оставалось свободное время. Хорошая была жизнь. Сейчас у людей нет и минуты свободной, они все время куда-то спешат. И еще: в прежние дни жены, как правило, не работали. Поэтому мы все успевали сделать по дому. Стирала я в корыте, да еще двое мальчишек было на руках, но все равно я выкраивала время на вязку и могла в город отлучиться, я часто туда ездила. Помню, была я в молодости очень веселой.

Я понимаю, годы идут, силы уже не те, но я все время в какой-то спешке и тем не менее чувствую одиночество, да и интерес ко многим пропал.

Муж: Да, люди раньше не были такими нервными и раздражительными, не то что теперь. Я отдыхал, работая не спеша в саду или мастера что-нибудь по дому. Сейчас у всех больше свободного времени, но от этого люди как будто только больше устают.

Жена: У нас было свое хозяйство: куры, кролики, голуби. На поле рядом мы могли собрать много травы для них. Была у нас там и собака. Но бедняжка никак не могла привыкнуть к нашей теперешней квартире. Не прожили мы здесь и двух недель, как однажды она по привычке выпрыгнула из окна — и, конечно, разбилась. Она, верно, думала, что может выпрыгнуть из окна прямо в сад, как когда-то это

делала в нашем старом добром доме. Но теперь-то мы живем ведь на третьем этаже.

Что до комфорта, то здесь у нас центральное отопление, и это удобно — не надо таскать уголь и выносить золу... В старом доме на кухне у нас была плита, а в спальне печка, которую можно было топить хоть круглые сутки, если было холодно или дул сильный ветер. Мы никогда там не мерзли.

А здесь, скажу я вам, только и простужаюсь; такого со мной раньше никогда не случалось. Правда, отопление углем гораздо лучше для здоровья. Но все же раньше мы больше бывали на воздухе, даже зимой: выходили в сад проверить, не прибил ли мороз деревья, а то заболтаешься с соседкой, что живет через забор, возвращаясь из лавки, и не заметишь даже, что на улице мороз. И никогда не знали мы, что такое простуда.

Раньше у нас было много солнца в доме. А в новой квартире оно появляется ненадолго утром в спальне и днем — вот в этой комнате, и только. И не чувствуешь вовсе, как прежде, что на земле светит солнце. Раньше казалось, оно так и ходит вокруг нашего дома. Если становилось жарко в одной половине дома, опустишь, бывало, жалюзи и перейдешь в другую половину.

Меня иногда спрашивают, не душно ли летом в деревянном доме. Нам душно не было: ведь летом мы целый день на воздухе. Иногда я даже швейную машину выносила в сад — муж зацементировал там специально площадку. В течение всего лета я готовила не в доме, а на старой плите во дворе, и ели мы тоже во дворе, даже электричество туда провели, чтобы можно было посидеть подольше и вечером.

Сейчас у нас как будто и все удобства, и окна большие, и солнце бывает, а все равно чувствуешь себя узником в клетке. Порой такая тоска найдется — так и швырнула бы об пол кастрюлю или сковородку: душу отвести.

Когда все мы жили в отдельных домиках, мы с соседями были как одна семья. Умер ли кто или родился, радость или горе, мы всегда собирались вместе; знали все друг о друге и виделись каждый день. Бывало, выйдешь в сад и обязательно перекинешься словечком с соседями через забор.

В конце сада у нас рос куст сирени, там мы особенно любили с соседкой постоять и посудачить о том, о сем, поделиться заботами. Конечно, это вовсе не означает, что мы все время судачили друг с другом или напрашивались в гости. Нам этого не надо было, вся наша жизнь и так была, как на ладони, — жили открыто. А если нет у тебя настроения поболтать, просто уходишь в дом.

Мы могли переговариваться не только через забор, но и прямо из окна, даже не выходя из дома. Дома стояли группами по четыре, образуя что-то вроде четырехугольника. Это были наши ближайшие соседи. Быва-

ло, всегда знаешь, дома они или нет, знаешь, когда им нужна твоя помощь, а то и сам идешь к ним за чем-нибудь.

Всегда знаешь, что тебе рады в любом время. Все было так просто, нам и не надо было ничего друг о друге выспрашивать. Когда соседка собиралась в город, она просила присмотреть за сынишкой или оставляла ключи, чтобы я проверила, спят ли ее ребята. Все это как будто пустяки, но мы постоянно общались. Этого-то теперь нам и не хватает, и все в основном из-за новых домов.

Тут мы живем вроде бы совсем близко — друг над другом, а соседями себя не чувствуем. Встречаешься с людьми только случайно на лестнице, да и не место это для беседы. А что мы видим в других домах, где тоже живут люди? Кроме запертых подъездов — ничего.

В своем квартале я неделями не встречаю людей, которые мне хоть как-то знакомы. Соседка, живущая этажом выше, не работает, но мы не видимся с ней по три недели, а то и по месяцу. Если же въезжает в дом новая семья, проходит бог знает сколько времени, пока с ней познакомишься. Первое время, когда заселили дом и никто друг друга еще толком не знал, мы были будто отрезанные от всего мира.

Наверное, год целый прошел, пока мы узнали, кто живет рядом. Это так неправильно. Раньше все было по-другому.

Если кто приезжал, мы помогали устраиваться на новом месте, интересовались потом, кто он и откуда.

Самое неприятное в этих домах то, что, хотя ты здесь никого не видишь и не знаешь, впечатление такое, будто ты живешь в квартире соседа — такая жуткая слышимость.

В старых домах закрыл дверь — и ни звука не слышишь. А здесь то и дело боишься лишний раз стукнуть чем-нибудь: шум потревожит соседей. Раньше был настоящий дом и соседи как родные, а теперь вроде бы и живешь среди людей, да все равно, что один.

В эти дома надо вдохнуть жизнь. Вокруг словно бы ничего не происходит. В воскресные дни здесь так тихо, словно дом вымер. Все садятся в свои машины и уезжают кто куда. Не могу назвать это отдыхом или прогулкой; просто все стараются удрать из дома. Помнится, как мы все собирались на прогулку на велосипедах, сажали ребятшек на багажник и ехали к реке — там устраивали обычно пикник. Проводили на природе весь день, встречались с друзьями.

Каждый делал, что хотел. Мужчины отправлялись на лодках по реке или ловили на берегу рыбу. Хорошо отдыхалось в такие дни.

Думаю, сейчас хуже всего приходится детям и молодежи. Им некуда деться. Раньше они гуляли в окрестностях, там нечего было бояться, да и места хватало для игр.

Помню, мои мальчики любили играть на пустыре, куда свозили фабричные отходы, уголь и шлак. Дети за-

сыпали землей яму, посадили там деревья и кустарник. Обычно играли в индейцев и ковбоев, всегда им было весело. А был-то это всего-навсего пустырь, но там было не опасно детям играть. Он весь порос куманикой, и никто на пустыре не мешал детям.

Когда им надоело играть в индейцев, они строили шалаши, приносили из дому книжки. Они проводили свободное время на этом пустыре или же в засыпанном песчаном карьере за домом. Здесь же газоны у огромного дома не дают детям простора. Они могут только ездить вокруг них на велосипедах, и все. Да и нам эти газоны обходятся недешево. Надо платить за поливку и стрижку травы... Я не против хотя бы мало-мальской зелени, лужайки красивы и зелень нужна, но нет простора, а детям он необходим.

Я знаю, если ребенок весь день сидит взаперти, он начинает нервничать и проказничать. Но детям здесь некуда выйти, оттого-то они и кричат, и устраивают драки на лестничных клетках, и плохо спят ночью.

Муж: Все та же проблема: детям негде играть, они устраивают потасовки и драки в квартирах и на лестнице. Это особенно раздражает пожилых людей. В некоторых домах на одной площадке рядом расположены шестикомнатные и однокомнатные квартиры: одинокие пенсионеры живут рядом с большими семьями. А это вызывает порой всякие неудобства.

Жена: Прежде у каждого жилого квартала была своя жизнь... Там были клубы добрых услуг, которые организовывали досуг — устраивали танцы, ставили пьесы, всегда придумывали какие-то развлечения. И все это делалось самими рабочими. Комитет по организации досуга (до того как появились рабочие комитеты) всегда отмечал День 14 июля. Это было замечательно! Накануне вечером устраивалось факельное шествие. Все участники несли зажженные фонари, а ребяташки — свечи, и те, у кого свечка не погаснет до самого конца шествия, получали награду. В телегу, запряженную лошадьми и украшенную каштановыми ветками, усаживали представителей местной власти и катали по округе. Среди них была и женщина — управляющая домами и начальник местной пожарной дружины. Она умела играть зорю на горне и открывала праздник 14 июля. В нашей пожарной дружке были парни из Нанта. Один из них был такой коротышка — его едва можно заметить под пожарной каской. Когда он появлялся рядом с высокой начальницей дружины, мы хохотали до упаду. В День 14 июля в сквере, где росли яблони, устраивались игры, велосипедные гонки. Местные лавочники устанавливали призы — победитель получал телячью голову. На праздник приезжал оркестр из Нанта.

Два-три раза в год наш комитет устраивал автобусные экскурсии в

ДОМ ЧЕЛОВЕКА—ЕГО КРЕПОСТЬ

Фред Барнс (справа), 88-летний американец, последние 37 лет живет в доме, который сам построил на Атлантическом побережье в штате Мэри. В его жизни было немало взлетов и падений, прежде чем ему удалось соорудить столь многокрасочное жильё (вверху), о котором обычно мечтают дети. Рано осиротевший, без гроша в кармане, Фред Барнс зарабатывал на жизнь, собирая картофель, потом он участвовал в первой мировой войне. «Когда я приехал сюда, у меня было всего 12 долларов и 50 центов, — рассказывает он. — Ловил понаем-

ногу рыбу. Голодающий съест все, что попадетсЯ, не правда ли! Затем здесь обосновалась птицеферма, появилась фабрика. Я работал там, пока хватало сил. А сегодня у меня есть крыша над головой. Это уже нечто новое. Я собирал доски, которые прибывало к берегу, выпрямлял ржавые гвозди и потихоньку соорудил свою хижину; краску брал из банок, выброшенных на свалку. Я живу один и питаю любовь ко всем».

Текст и фото © из книги Уоллера «Люди и то, что они строят», Нью-Йорк

Сен-Мало или Ле Саблон. Сейчас у нас есть общественный центр, но все это не то, потому что мы сами в его работе не участвуем. Но самое плохое это то, что он находится на другом конце шоссе, ведущего в Париж, далеко от нашего квартала, и детей одних туда не отпустишь.

Еще одно преимущество нашего старого квартала: там было много торговцев. Угольщик, например, обязательно заглянет раз в две недели, и всегда после получки. Он был настоящим другом семьи. Бывало, поведаст все новости, скажет, кто заболел, и уголь давал в долг, если не окажется под рукой денег.

Ходили молочники, бакалейщик, торговец рыбой, зеленщики с тележками, а то и с телегой, запряженной лошадей. Каждый покупал, сколько хотел. Люди обычно помогали друг другу: если кто заболевает, варили суп на семью или готовили жаркое по субботам.

Здесь тоже помогают, но не так, как прежде, — ни у кого нет времени. Женщины уходят на работу, возвращаются усталые, надо прежде о своей семье подумать, а потом уж о соседях.

Раньше еще вот что было: все имели свои сады, фрукты и овощи поспевали у всех в одно время, и люди делились друг с другом — кто слив предложит, кто помидорную рассаду, кто лук-порей.

Муж: Во многих лавках трудились по сути дела сами рабочие. Началось с оптовых закупок для магазинов, которые после войны стали кооперативами. Рабочие сами придумали это.

Товары вначале закупались у оптовиков, но тут вмешалось государство и запретило такие закупки. Потом был издан закон о кооперативах. Теперь, конечно, появились большие магазины самообслуживания. Я слышал, как управляющий кооперативной лавкой говорил как-то: «Стиральный порошок, который мы покупаем у оптовиков, обходится нам дороже, чем если бы мы купили его в розницу в магазине самообслуживания». Так долго продолжаться не может. А кооперативы давали в кредит, и люди расплачивались после получки. Теперь этого не сделаешь.

Жена: Мы почувствовали разницу в квартирной плате, как только переехали в новый дом. В 1965 году мы платили 4 тысячи старых франков в месяц, включая плату за электричество, чистку труб и выгребной ямы, а также плату за воду. На новой квартире мы сразу стали платить 22 тысячи франков только за одну квартиру, не считая коммунальных услуг и других расходов.

Деньги не были так обесценены в прежние времена. Чего только нельзя было купить на них в 1937—1939 годах! Правда, зарабатывали тогда не так много, как сейчас, но квартирная плата и счета за электричество не были проблемой. Помню, первый наш отпуск (тогда мой муж стал зарабатывать 400 франков в неделю) мы провели в Париже, где жили неделю в отеле, а затем неделю мы провели у моих родителей в деревне, представьте, у нас еще остались деньги. Мы получали мало, но не бедствовали.

К тому же сад был большим подспорьем. Мы выращивали овощи и фрукты, прикупали только картофель, сушеную фасоль, а так все было свое. Мы консервировали помидоры и бобы, и тянули таким образом всю зиму. Варили варенье, солили огурцы. Разумеется, приходилось экономить, откладывать деньги на покупки. В 1938 году мы купили радиоприемник, а еще раньше я купила в распродажу ножную швейную машину — вносила по пятьдесят франков в месяц. Обошлась она нам 1800 франков, чуть побольше месячной зарплаты.

Муж: Я купил свой первый велосипед за 700 франков. Это была хорошая машина знаменитой в те годы марки «Рафаель». На этих велосипедах выигрывали велогонки страны.

Жена: Сейчас говорят, что реклама может заставить человека купить то, что ему вовсе и не нужно. Но прежде всего человеку нужно где-то жить, нужен свет, тепло, и реклама тут ни при чем. Жилье стоит так дорого, что на это уходят все деньги.

Раньше мы не думали о квартирной плате, она не превышала 10% заработка, а теперь она съедает одну треть того, что мы зарабатываем. Особенно мы ощущаем это последние три года; и дальше, видно, будет не легче. Мы вынуждены покупать все вещи в кредит, иначе никак не выйдут. Но на кредите наживаются в первую очередь банки: в конце концов получается так, что за все платишь почти вдвое дороже. ■

Фото © Стенли Чап, Гейкоинг

Гейкоинг — в некоторых его районах плотность достигает 150 000 человек на 1 кв. км — один из наиболее перенаселенных городов мира. Вверху и справа: контрасты Гейкоинга — фотографии, поступившие на международный конкурс «Единый мир для всех» (1974), который организовали Комиссия ФРГ по делам ЮНЕСКО, «Фотокина» (Кёльн) и региональный комитет по молодежной фотографии земли Северный Рейн — Вестфалия.

ГОНКОНГ

САМЫЙ НАСЕЛЕННЫЙ

ГОРОД МИРА

Дан Берман

ДАН БЕРМАН — писатель, популяризатор науки, работающий в ЮНЕСКО, — хорошо известен читателям «Курьера ЮНЕСКО». Автор ряда научно-популярных книг: «Новый мир океанов», «В сотрудничестве с природой: ЮНЕСКО и окружающая среда» (ЮНЕСКО, Париж, 1972), «Человек, любивший велосипеды» (Нью-Йорк, 1973). В конце этого года выйдет из печати его новая работа — «Солнечная энергия и пробуждающаяся наука».

Гонконг — самый населенный город мира. В одном из его районов плотность достигает 150 000 человек на 1 кв. км. Это наиболее высокий показатель за всю историю человечества. Пример Гонконга может оказаться поучительным для некоторых стран мира, особенно развивающихся, где, по прогнозам ООН, к 2000 году 51% населения будет проживать в городах.

На примере Гонконга можно сделать вывод, что процесс урбанизации,

вероятно, имеет свои пределы. Когда в таком густонаселенном районе все больше используется энергия, производимая не силой человека или животного, то это непосредственно сказывается на качестве жизни. Если говорить о потреблении органического топлива (для Гонконга — почти исключительно нефть), то за последние 10 лет, по мере того как город превращался из торгового в промышленный, потребление энергии возросло вдвое. Хотя смертность от туберкулеза за

Фото © Стенли Чан, Гонконг-ЮНЕСКО (Фотокина)

тот же период сократилась в два раза, число людей, умерших от рака легких, удвоилось, так же как удвоилось и число преступлений. В остальном состоянии города удовлетворительное, хотя современная медицина в борьбе с бактериями добилась больших успехов, чем в борьбе с вирусами.

Второй фактор, ограничивающий процесс урбанизации,— это, возможно, проблема обеспечения столь большого города продовольствием. Гонконг быстро переходит от китайской системы сельского хозяйства, при которой ничто не выбрасывается и все используется повторно, к западным методам производства и потребления продовольствия. Органические отходы, некогда использовавшиеся в качестве удобрений, ныне превращаются в элемент загрязнения окружающей среды, а в то же время из ФРГ— 24 000 километров от Гонконга — импортируются искусственные удобрения, на прилавках уличных торговцев красуются в целлофане пучки латука из Калифорнии.

Гонконг может позволить себе такую роскошь — благодаря поступлениям от экспорта товаров легкой промышленности, главным образом текстильной,— однако подобное использование дефицитной энергии для получения остро необходимого продовольствия представляется нецелесообразным для мегагородов, которые, по всей вероятности, вырастут в странах «третьего мира» через четверть века.

Все эти выводы основаны на предварительных данных, полученных в ходе осуществления программы социально-экологических исследований в Гонконге, инициатором которой выступила группа биологов-урбанистов Австралийского национального университета, работавшая в сотрудничестве с Гонконгским университетом и правительством Гонконга. Эти исследования, преимущественно о потреблении энергии, а также условий жизни населения в городе, стали экспериментальным проектом в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (ЧИБ). Директор проекта — д-р Стивен В. Бойден (Австралийский национальный университет).

Гонконг — подходящий объект для подобных исследований. Поскольку этот город — по существу, государство со своими государственными границами, поток всех материалов и энергии в город и из города подлежит обязательной регистрации, что обеспечивает наличие точных данных для их сравнительного анализа и изучения в течение длительного периода. Вместе с тем Гонконг — на стыке промышленно развитого и развивающегося миров, его пример во многих отношениях характерен и для того и для другого.

Один из способов целостной оценки сложных факторов, характеризующих жизнь подобного сообщества,— исследование потребления энергии, обеспечивающей его жизнеспособ-

ность. Такое исследование было проведено ученым Австралийского национального университета Кеном Ньюкомбом, который подошел к проблеме с точки зрения эколога.

В 1971 году население города составляло 3 939 000 человек, 78 000 из них жили в джонках. Ежегодный прирост населения равнялся 2,2%. Сам город занимает площадь более 1046 кв. км; к нему относятся также 253 острова, разбросанные на водной территории в 1823 кв. км.

С 1964 по 1971 год темпы роста потребления энергии в Гонконге значительно превышали прирост населения и составляли ежегодно 8,9%. По уровню потребления энергии на душу населения в этом регионе город уступает лишь Японии, а по зависимости от поставок нефти стоит, пожалуй, на первом месте. Если в 1954 году жидкое топливо удовлетворяло 70% его потребностей, а твердое (в основном уголь и дрова) — 30%, то к 1971 году доля нефти возросла до 98,1%.

Гонконг, разумеется, очень скоро переключился на дешевую нефть — городу, который должен импортировать едва ли не каждую используемую им калорию энергии, гораздо легче перевозить и хранить именно это топливо. Нефтепродукты, перерабатываемые исключительно в других странах, используются в первую очередь для производства электроэнергии; какая-то часть идет, конечно, на нужды городского транспорта, в кото-

В тесноте, да не в обиде

Программы рассредоточения населения Гонконга позволили некоторой части жителей покинуть свои трущобы на склонах холмов, где они проживали. Но многие тысячи все еще ютятся в пещерах (слева). Устойчивость традиционных ценностей и прочность семейных уз, снижающих напряженность, способствуют добрососедству и адаптации к условиям жизни в густонаселенном городе (справа).

Фото © Хо Куок Бун, Гонконг-ЮНЕСКО (Фотакина)

ром значительная роль принадлежит 88 паромам (каждый из них вмещает до 600 пассажиров), а также перерабатывается в газ для бытовых нужд.

В бесчисленных ресторанах Гонконга для приготовления пищи используется дизельное топливо; древесный уголь, однако, все еще применяется для поджаривания мяса и приготовления китайских лекарств. Дерево, которое еще 20 лет назад было весьма важным видом топлива в домашнем хозяйстве, как источник энергии практически уже не применяется. На смену ему пришел керосин, но и его вытеснил сжиженный нефтяной газ, однако энергетический кризис вызвал в 1973—1974 годах повышение цен и сделал газ менее выгодным.

Город экономно расходует энергию. Частные машины составляют лишь 30% всего автомобильного парка (в США, например, 70%). Большинство жителей пользуются автобусами (некоторые из них двухэтажные, как в Лондоне). Эффективность использования энергии на транспорте снижается, поскольку количество автомобилей возрастает и на долю железной дороги приходится менее 3% общего объема пассажирских перевозок. Однако в 80-х годах, когда завершится строительство подземной железной дороги, это соотношение изменится. Сейчас же потребление энергии на душу населения в транспортной сис-

теме Гонконга в 8 раз ниже, чем в Сиднее (Австралия).

Наибольшие потери энергии в Гонконге связаны с производством электричества, поскольку к. п. д. его электростанций составляет лишь 33%, остальная же часть исчезает — в качестве отработанного тепла или при передаче. Поскольку к. п. д. превращения нефти в газ составляет 80%, Ньюкомб предполагает, что можно было бы сократить расход энергии, если бы для приготовления пищи и нагрева воды больше использовался газ. Почти $\frac{2}{5}$ топлива, импортируемого Гонконгом, теряются в процессе превращения его в электроэнергию, и Ньюкомб отмечает: «Рекламные призывы электрических компаний Гонконга открыто поощряют увеличение потребления электроэнергии на том основании, что «нефтяной кризис» уже миновал».

Частично от того, что электроэнергия в Гонконге нашла весьма широкое применение, ее потребление на единицу площади в 2 раза превышает соответствующие показатели для любого промышленного города Запада. Для экономии электроэнергии имеются резервы — согласно расчетам Ньюкомба, использование солнечной энергии для кондиционирования воздуха, сушки, отопления помещений и нагревания воды могло бы удовлетворить 5% общих потребностей города, а еще 10% — за счет применения метана, полученного в результате фер-

ментации продуктов жизнедеятельности животных и человека.

Ньюкомб ссылается на проведенные во время энергетического кризиса исследования, которые показали, что местные предприятия легко могут сократить свои расходы на 20%. По его мнению, можно было бы повысить эффективность транспорта, если для доставки продовольственных товаров в небольшие магазины и ларьки шире привлекать не однотонные грузовики, а велосипеды с усиленной рамой, подобные тем, что применяются в Южной Корее для перевозки грузов до 140 кг. Однако, считает он, такое новшество можно вводить лишь при обеспечении более высокой безопасности движения.

Самые поразительные изменения в использовании энергии произошли в Гонконге в производстве и распределении продуктов питания. Они характерны для всего развивающегося мира. Гонконг уходит от трудоемкого китайского ведения сельского хозяйства, при котором лишь большая энергия самого земледельца, зложенная в землю, дает отдачу в форме получения достаточно высокого урожая. Применение дождевальных установок и искусственных удобрений повышает урожайность, однако это происходит за счет все более увеличивающегося импорта энергии из-за границы.

Несмотря на это, продуктивность сельского хозяйства Гонконга оста-

ется высокой по сравнению с любым другим аналогичным промышленным центром Запады. Всего лишь 109 кв. км пахотных земель обеспечивает 5% потребляемых городом растительных продуктов.

Его флот — 5200 рыболовных судов — бороздит Южно-Китайское море, давая 40% необходимых животных белков. Однако не каждый растущий город имеет такой доступ к морю, к тому же и Гонконг может оказаться в будущем в трудном положении, если улов рыбы сохранится на прежнем уровне, поскольку потребности его возрастают.

В общем и целом система снабжения продовольствием в Гонконге эффективна, поскольку, в отличие от западных стран, требуются незначительные затраты энергии, так как малые расстояния от места производства продуктов питания до потребителя снижают транспортные расходы. Хранение и упаковка также не вызывают серьезных проблем, поскольку китайцы предпочитают как можно более свежую пищу и упаковка в большинстве случаев сводится лишь к тому, что продукты просто перевязываются пучком водорослей.

Однако и здесь намечаются перемены. На смену бумаге как упаковочному материалу приходят целлофановые пакеты, что приводит к определенным потерям, так как для их изготовления требуется в 6 раз больше энергии. Кроме того, в отличие от бумажных отходов, которые можно переработать на экспорт, целлофановые пакеты нельзя использовать вторично. Таким образом, Гонконг приближается к системе, практикуемой в промышленно развитых странах, где операции с продуктами питания после их вывоза с фермы поглощают гораздо больше энергии, чем ее содержится в самих продуктах.

На небольших фермах Гонконга (в среднем только $\frac{1}{8}$ гектара) появляются энергоемкие технические приспособления — такие, например, как автоматические дождевательные установки, заменяющие старую систему ирригационных каналов, ведер и ручного труда. Это приводит Ньюкомба к следующему выводу: «Там, где имеется избыток рабочей силы, необходимо внедрять механизмы, не высвобожда-

ющие, а использующие рабочую силу».

Традиционные китайские методы ведения сельского хозяйства отличаются другой крайностью. Исследования, проведенные в двух южных китайских деревнях Луцаунь и Юньнань в 1935—1937 годах, показали, что каждую единицу затраченной энергии земля восполняла 34 единицами. Лишь 1% этой энергии (в основном в виде стали, которая шла на изготовление ручных орудий) обеспечивался за счет органического топлива, а не ручного труда.

Никто и не считает, что Гонконгу непременно следует полностью вернуться к такой системе производства продуктов питания, однако Кен Ньюкомб полагает, что у китайцев можно кое-что позаимствовать. Еще в IV—I веках до н. э. они заменили говядину и баранину свининой, поскольку организм свиньи намного более эффективно перерабатывает растительную пищу в мясо. С этой же целью, стремясь получить больше продовольствия с одной и той же земельной площади, китайцы (особенно на юге) уже в III—VI веках н. э. заменили пшеницу и бобовые рисом.

В прошлом жители Гонконга обеспечивали себя продовольствием китайскими методами, и сейчас еще они скармливают пищевые отходы домашней птице и свиньям. В результате такого экономного ведения хозяйства, чтобы прокормить одного жителя Гонконга, нужно всего 0,57 гектара «фуражной земли» (в Сиднее — 1,12 гектара).

Но положение меняется сейчас и здесь: пищевые отходы (помои) вывозятся в новые районы Гонконга, где они служат кормом для 400 000 свиней. Однако это вызывает острую проблему — надо вывозить навоз, поэтому некоторые инженеры-консультанты предлагают либо сбрасывать навоз в море, либо прекратить разведение свиней. По мнению Ньюкомба, так может быть решена столь острая проблема для новых районов Гонконга, но это решение, несомненно, еще более усугубит проблему пищевых отходов в центральной части города, поскольку их уже нельзя будет скармливать свиньям.

Один из удачных примеров приме-

нения отходов — распространенная в Гонконге практика использования птичьего помета для подкормки рыб в прудах, площадь которых за 1970—1974 годы увеличилась с 940 до 1370 гектаров. Подобная практика, которая, возможно, представляет интерес и для других стран мира, полностью соответствует древней китайской традиции разводить уток в комбинации с рыбным хозяйством.

В остальном Гонконг решает проблему отбросов так же, как и любой другой современный город. Ежедневно в канализационную систему города спускается 3900 тонн нечистот, 80% из них попадают в море в районе порта Виктории. В результате продовольственная система Гонконга теряет ежегодно примерно 3600 тонн фосфора. Ньюкомб приходит к следующему выводу, применимому и к другим городам:

«В настоящее время нет каких-либо конкретных предложений о переработке основной массы канализационных сбросов, которые являются самым богатым источником фосфора, пропадающим при нынешней организации продовольственной системы Гонконга. Возможность использования канализационных сбросов после их первичной обработки для удобрения сельскохозяйственных земель значительно снижаются нехваткой имеющихся площадей, а также перспективным ростом населения, который приведет к еще большему увеличению канализационных сбросов». Необходимы соответствующие стимулы — например, налог на импортируемые фосфаты, они могут оказаться экономически еще более рентабельными, если при этом учесть скрытые расходы по борьбе с загрязнением среды.

Ньюкомб подчеркивает влияние Запада на диету местных жителей: «Во всей Азии, включая Гонконг, популяризируется говядина как пища более «престижная», чем свинина и птица. Любое отклонение от потребления традиционных видов мяса в сторону увеличения потребления говядины приведет в Гонконге к росту потребности в фуражных землях и в конечном итоге снизит способность сложившейся ныне продовольственной системы вновь превращать пищевые отходы в продукты питания...»

Важность молочных продуктов, о которой часто говорят диетологи и которая преувеличивается многонациональными корпорациями, весьма сомнительна. Кормление грудью уступает место кормлению коровьим молоком (свежим или порошковым), что часто приводит к увеличению расходов, недоеданию и инфекции. По мнению педиатров Гонконга, в настоящее время отмечается недоедание у детей, матери которых не соблюдают нужной пропорции при разбавлении порошкового молока водой. Совершенно ясно, что любые доводы в пользу увеличения потребления молока должны рассматриваться критически.

Отказ от диеты, от других привычек и нравов промышленно развитого мира вовсе не означает, что Гонконг

Международный фотоконкурс „Лучшие условия жизни“

В связи с Конференцией ООН по населенным пунктам — «Абитат» — Международная ассоциация фотографического искусства и ООН организовали фотоконкурс «Лучшие условия жизни». Более 1000 фотомастеров из 77 стран представили свыше 5000 снимков, некоторые из них публикуются в этом номере журнала. Фото, отмеченные премиями, демонстрировались на конференции. Передвижная выставка этих фотографий побывает в разных странах мира. Шесть первых премий получили: Поль Альмази (Париж), постоянный сотрудник «Курьера ЮНЕСКО»; Джеффри Хайнмен (США); Феликс Тиснас (Колумбия); Кристоф Ханинг (ФРГ); Петер Коринис (Венгрия); Масару Уэкава (Япония).

и другие города, развивающиеся в том же направлении, ожидает мрачное будущее. С. Вайден, например, считает, что социально-психологические и бихевиоральные потребности «среднего человека гораздо лучше удовлетворяются в некоторых развивающихся странах... чем во многих современных западных обществах».

Основанием для такого заключения послужило исследование Ш. Миллар о биопсихологических аспектах перенаселенности Гонконга, которое является частью упомянутого экспериментального проекта. Хотя в других районах мира большая скученность населения связана с высоким уровнем преступности, Миллар утверждает, что в Гонконге якобы не обнаружены данные о наличии патологических явлений, вызываемых скученностью: «Несмотря на то, что по концентрации населения с Гонконгом могут сравниться лишь немногие города мира, уровень преступности или антисоциального поведения в нем сравнительно низок, а распространение болезней в настоящее время не является особенно характерной чертой городской жизни, как это наблюдается в некоторых других густонаселенных городах». Миллар объясняет это в основном устойчивостью традиционных

ценностей и прочностью семейных уз (в Гонконге многие фабрики, по существу, семейные предприятия), снимающими напряженность, которая возникает в тех случаях, если люди скучены на крайне ограниченной жилой площади.

Жители Гонконга хорошо приспособляются к большой плотности населения. Они могут спать в переполненных автобусах или на оживленных улицах, то есть тогда, когда человека, стремящегося к одиночеству, ждет разочарование. Миллар отмечает: «Если стремление к одиночеству выражено слабо или отсутствует вообще, то никакого раздражения не возникнет. Толкование слова «одинокий» в Кантоне дает основание предположить, что именно это и происходит в Гонконге. В переводе это слово означает «никого не знает из тех, кто его окружает».

Подобные факторы побудили участников проведенного в Гонконге исследования отказаться от метода, по которому оценке подлежат лишь те, что поддаются математическим измерениям. Поскольку конечная цель исследования — улучшение благосостояния и здоровья жителей всех городов, оно должно учитывать не только тенденции в строительстве дорог, жилья,

больниц и других культурно-бытовых учреждений, но и «качество жизни». Это потребовало комплексного подхода с учетом ряда дисциплин, составивших динамическое единство. Вот что говорит об этом С. Вайден:

«Мы все больше начинаем понимать, что одной из важных причин неразрешенности столь многих проблем человеческого общежития является то обстоятельство, что знания не используются достаточно эффективно главным образом в силу фрагментарной структуры различных наших учебных и исследовательских учреждений».

Научный мир находится в состоянии чрезвычайной неуравновешенности в том смысле, что огромные усилия, как финансовые, так и умственные, затрачиваются на осуществление сугубо специальных исследований, касающихся крайне узких аспектов реальной жизни... Для лучшего понимания стоящих перед нами проблем необходимо сделать гораздо больше, чем просто собрать результаты всех этих многочисленных узкоспециальных исследований, заложить их в ЭВМ или подвергнуть умственному анализу и дожидаться, пока это приведет к каким-то значимым результатам».

НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СО СТР. 14

во препятствует развитию строительства, контролируемого потребителями.

Это относится как к Англии, так и к США; как к Турции, так и к Мексике — с той лишь только разницей, что две последние страны находятся в более выгодном положении, поскольку там простые люди пока еще имеют хоть какую-то возможность строить независимо от контролируемой государством системы.

В заключение я хотел бы привести еще один пример жилищного строительства, контролируемого потребителями, к которому был причастен. В 1982 году несколько тысяч человек заняли явочным порядком землю в Пампа эль-Эрмитано (буквально «Долина отшельника») на северной окраине Лимы. В большинстве своем это были люди с низким доходом, 15—20% из них жили в крайней нужде.

Большинство не смогли остаться здесь и вернулись в трущобы центральной части города и новые, стихийно возникающие поселки, расположенные вблизи от центра.

Подавляющее же большинство участников этого хорошо организованного, хотя и несколько рискованного «вторжения» решились на этот шаг, поскольку больше не могли платить все возрастающую арендную плату за сколько-нибудь сносное жилье в городе. Люди мечтали иметь собственный очаг, не бояться выселения или сноса трущоб, построить для

себя постоянное жилье — пусть медленно, но без вкладных и риска лишиться права выкупа заложенного имущества. Большинство составляли молодые семьи; родители их были выходцами из деревень или провинциальных городов, а дети родились в большом городе.

Поначалу поселение представляло собой скопище жалких лачуг в бесплодной пустыне. Поселенцы (как первые, так и пришедшие впоследствии) были столь многочисленны, что занимаемый ими участок стал безнадежно перенаселенным.

Вмешалось правительственное учреждение, в котором в то время работал я. Прилегающая территория была экспроприрована, а весь участок перепланирован заново, за исключением нескольких небольших кварталов, на строительство которых уже были затрачены значительные суммы. Работая в сотрудничестве с местной ассоциацией, правительство распределило участки среди всех предварительно зарегистрировавшихся ее членом.

Всего за год был произведен большой объем строительных работ. Были возведены довольно высокие кирпичные стены, а во многих случаях полностью завершено строительство первого этажа. Однако из-за отсутствия кредитов водоснабжение и электричество подвести не удалось, хотя они и планировались в первую очередь. Сделано это было несколько позже.

Школы, первоначально организованные и укомплектованные самими переселенцами, со временем перевели в постоянные здания. В настоящее время проложены основные магистрали и теперь поселок практически ничем не отличается от любого другого, уже сложившегося жилого района Лимы, который населяет трудовой люд с доходом ниже среднего.

Мораль этого и приведенных выше примеров проста: правильная позиция правительства — в обеспечении тех, кто лучше всех может строить (как для себя, так и для своих соседей), необходимыми средствами или основными ресурсами.

Под необходимыми средствами я подразумеваю такую поддержку и помощь, которые были оказаны правительством Перу жителям эль-Эрмитано. Это земля или право на участки, занятые незаконным путем, но в разумных целях; техническая помощь в проектировании кварталов и домов; инфраструктура в виде элементарных удобств и коммунальных услуг, обеспечение которых было бы невозможно без правительственных кредитов и технической помощи.

В некоторых других аналогичных районах владельцам-строителям предоставлялись необеспеченные, незначительные и краткосрочные контролируемые кредиты для завершения строительства неоконченных домов, особенно тогда, когда оставалось лишь возвести крышу.

ХРОНИКА ЮНЕСКО

99-я СЕССИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО СОВЕТА ЮНЕСКО

Повестка дня очередной, 99-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО (Париж, 26 апреля — 26 мая 1976) включала около 70 различных вопросов деятельности Организации.

Важное место в работе сессии заняло рассмотрение Проекта среднесрочного плана ЮНЕСКО на 1977—1982 годы (док. 19 С/4) и Проекта программы и бюджета ЮНЕСКО на 1977—1978 годы (док. 19 С/5). В принятом решении отмечается, что «среднесрочный план призван служить объективным выражением намерений государств-членов в отношении разработки будущих программ» и что только документ 19 С/5 — после его утверждения Генеральной конференцией — будет обязательным для государств-членов и Генерального директора.

Большое внимание было уделено внесенному по инициативе СССР вопросу «Европейское сотрудничество в сфере компетенции ЮНЕСКО в свете Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». Исполсовет выразил признательность Генеральному директору за включение в Проект программы и бюджета ЮНЕСКО на 1977—1978 годы новых мероприятий в области образования, науки и культуры, взаимно согласованных между государствами — участниками СБСЕ и направленных на содействие выполнению положений Заключительного акта. Генеральному директору предложено «принять соответствующие меры для осуществления предусмотренных мер, а также для более широкой информации общественного мнения об этих мероприятиях, используя доступные Организации средства информации».

Острую политическую дискуссию вызвал вопрос о выполнении резолюции XVIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО относительно учебных и культурных учреждений на оккупированных арабских территориях. Исполсовет выразил глубокую озабоченность тем, что Израиль мешает населению этих территорий «свободно пользоваться своим неотъемлемым правом на образование и культуру, необходимым для сохранения своей национальной самобытности». В принятом решении Израилю официально предложено немедленно приступить к соблюдению соответствующих резолюций Генеральной конференции.

В ходе работы Исполсовета решительному осуждению были подвергнуты действия чилийской военной хунты, грубо нарушающие права человека в области образования, науки, культуры и информации, и было предложено «принять необходимые меры для восстановления и обеспечения основных прав человека, включая права преподавателей, а также обеспечение нормальной работы всех университетов, школ, научных и культурных учреждений». При обсуждении этого вопроса широко использовались документы, подготовленные международными демократическими организациями — МДФЖ, МФДМ, МСС, МОЖ, имеющими консультативный статус при ЮНЕСКО.

Предложение индийского ученого

Около 50% горючего, необходимого для удовлетворения нужд сельских местностей Индии, может дать метан, если наладить его производство из навоза 220-миллионного поголовья коров и буйволов в стране. Богатые азотом отходы от производства метана помогут сохранить около 30% дорогих удобрений, в которых испытывает потребность Индия. О таких возможностях сообщил д-р Кришна Мурти (Институт науки и техники Индурского университета) на недавнем международном форуме ЮНЕСКО по научным и техническим проблемам энергетики.

Рак и окружающая среда

В специальном докладе Международного агентства по исследованию рака (Лион, Франция), составленном по материалам обследования, проведенного на пяти континентах, указывается, что причиной заболевания раком на 80% яв-

ляется окружающая среда. Эти данные опубликованы Программой ООН по окружающей среде в специальной статье, посвященной Международному дню окружающей среды (5 июня). «Хотя в понятие «окружающая среда» включается буквально все: от сигареты до солнечного света, — говорится в докладе, — ... теоретически более 3/4 всех заболеваний раком можно было бы избежать, если бы удалось выявить и устранить все канцерогены из окружающей среды».

Открытия современной астрономии

Международный астрономический союз выпускает высококачественные слайды (24×36 мм) из крупнейших в мире обсерваторий. Они могут помочь педагогам усовершенствовать преподавание астрономии на всех уровнях и связывают ее с такими областями знания, как физика, математика, химия и т. д. Слайды иллюстрируют открытия в современной астрономии и охватывают довольно широкий круг вопросов — от далеких галактик до спектра комет.

Марка ООН,
посвященная
«Абитату»

Открытию Конференции ООН по населенным пунктам («Абитат») 31 мая с. г. посвящена специальная марка, выпущенная почтовым ведомством ООН.

Коротко...

■ В докладе ЮНЕСКО о состоянии памятников сообщается, что под воздействием кислотных загрязнений атмосферы скульптуры Акрополя, цитадели древних Афин, пострадали настолько, что теперь требуется покрывать их на зимний период защитной пластиковой пленкой.

■ Правительство Иордании одобрило два новых постановления, преследующих цель сократить хищение произведений искусства: отныне запрещена любая торговля историческими реликвиями и обязательна регистрация в официальных ведомствах всех предметов древности и владельцами.

■ Крупное землетрясение в Гватемале 4 февраля 1976 года разрушило некоторые исторические памятники, однако руины Тикаля, древнего города майя, уцелели, — об этом свидетельствует обследование ЮНЕСКО.

Двухсотлетие Большого театра

Государственный академический Большой театр Союза ССР (Москва) отметил в этом году свое 200-летие. Юбилей театра был ознаменован, в частности, трансляцией 28 марта по телевизионной сети на 116 стран мира балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Большой театр считается вторым по величине в Европе (свыше 2000 мест). Спектакли его вот уже несколько лет идут и на сцене Кремлевского Дворца съездов (6000 мест). И хотя артисты Большого театра дают свои представления ежедневно, а иногда и два раза в день, их выступления проходят с неизменным успехом и при переполненных залах.

Фото © АПН, Москва

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

С 31 мая по 11 июня в Ванкувере (Канада) проходила Конференция ООН по населенным пунктам. В работе конференции принимала участие делегация Советского Союза во главе с секретарем Правления Союза архитекторов СССР Г. В. Ильинским.

На конференции был распространен доклад «Градостроительство в СССР», подготовленный заместителем председателя Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, народным архитектором СССР, доктором архитектуры, профессором Н. В. Барановым и директором Центрального научно-исследовательского и проектного института по гражданскому строительству, кандидатом архитектуры, профессором В. Н. Белоусовым.

«Главной целью градостроительства в Советском Союзе, — указывают авторы доклада, — является создание наиболее благоприятных условий для жизни населения, для его труда, быта и отдыха. Государственное планирование, отсутствие частной собственности на землю, промышленные предприятия, транспортные сооружения, общественные здания и многоквартирные жилые дома обеспечивают широкие возможности для проектирования и строительства городов, создают основу целенаправленного развития сети населенных мест в соответствии с поставленными социальными задачами и решением сложнейшей проблемы рационального размещения производительных сил страны».

Доклад «Градостроительство в СССР» состоит из следующих разделов:

- I. Государственная политика в области градостроительства в СССР.
- II. Создание среды населенных мест, наиболее благоприятной для жизни населения.
 1. Расселение и районная планировка.
 2. Генеральные планы реконструкции существующих и строительство новых городов.
 3. Строительство удобных, благоустроенных жилищ и зданий массового обслуживания.
 4. Организация производственных зон.
 5. Система городского движения и транспорта.
 6. Инженерное оборудование населенных мест.
 7. Оздоровление населенных мест.

8. Формирование архитектурного облика населенных мест и их общественных центров.

● III. Среда и пути осуществления градостроительства.

1. Организация проектирования.
2. Индустриализация строительства и система строительных организаций.
3. Подготовка кадров градостроителей.
4. Организация научных исследований.

● IV. Предложения в области градостроительства, определяемые опытом планировки и застройки населенных мест в СССР.

● V. Приложения.

Статистические сведения по некоторым показателям градостроительства в СССР.

Мы публикуем один из разделов этого доклада:

Строительство удобных, благоустроенных жилищ и зданий массового обслуживания

Важнейшей социальной задачей, поставленной Советским государством, является обеспечение каждой семьи отдельной квартирой, отвечающей современным требованиям. В течение последних пятнадцати лет (1961—1975 гг.) в СССР построены жилые дома общей площадью 1,5 млрд. м², или около 34,0 млн. квартир.

Такие масштабы жилищного строительства позволили в относительно короткий период (1966—1975 гг.) улучшить

жилищные условия более 110 млн. человек. Ежегодно около 11 млн. человек получают квартиры в новых домах или расширяют занимаемую площадь в существующих домах, в которых одновременно повышается уровень комфорта и бытовых удобств. Только в 1971—1975 гг. построено более 11 млн. квартир.

Все это позволяет Советскому Союзу занимать одно из ведущих мест в мире по абсолютным объемам жилищного строительства.

Основной объем жилищного строительства в СССР (56—65%) производится за счет государственных средств с бесплатным предоставлением квартир трудящимся. На долю жилищно-строительных кооперативов в последние годы приходится 6—7% общего объема жилищного строительства. Кооперативное жилищное строительство в СССР осуществляется только государственными организациями, не преследующими коммерческих целей.

Для членов жилищно-строительных кооперативов государство предоставляет ссуду в размере 60—70% стоимости квартир на срок 10—20 лет из расчета 0,5% годовых. Предприятиям предоставлено право выдавать кадровым работникам субсидии, компенсирующие часть стоимости площади, приобретаемой ими в кооперативных домах. Квартирная плата вместе с коммунальными услугами составляет около 4% бюджета семьи. Основную долю расходов по содержанию жилых домов несет государство.

На основе действующего законодательства жилищно-гражданское строительство в СССР ведется комплексно. Одновременно с жилыми домами возводятся здания школ, детских садов и яслей, магазинов, медицинских и спортивных учреждений, клубов и кинотеатров, библиотек и др. Городская застройка, как правило, ведется крупными массивами. В новых городах, где обычно средний возраст населения значительно меньше, чем в старых, особенно в крупных городах, предусматривается большее число детских учреждений и школ.

Типы и этажность жилых домов в государственном и кооперативном строительстве в городах и поселках городского типа принимаются в соответствии с различными природно-климатическими конкретными градостроительными условиями, производственно-технической базой и демографическими особенностями района строительства.

Новые жилые здания имеют капитальные конструкции, современное санитарно-техническое оборудование, квартиры обеспечены ваннами или душами, центральным отоплением, газом или электричеством для пищевого приготовления и других бытовых нужд.

Среди новых, наиболее интересных примеров застройки жилых районов и микрорайонов, отвечающих современным градостроительным требованиям, следует назвать некоторые районы в Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Ташкенте, Тольятти и во многих других городах.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Тамара СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119021, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21, т. 246-21-15

Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 287

Цена 35 коп.
70458

„ПОСЕЛКИ-ЦВЕТКИ“ В ДАНИИ

см. стр. 3

